

Лев Николаевич Толстой

Исповедь

ИСПОВЕДЬ (Вступление к ненапечатанному сочинению)

I

Я был крещен и воспитан в православной христианской вере. Меня учили ей и с детства и во все время, моего отрочества и юности. Но когда я 18-ти лет вышел со второго курса университета, я не верил уже ни во что из того, чему меня учили.

Судя по некоторым воспоминаниям, я никогда и не верил серьезно, а имел только доверие к тому, чему меня учили, и к тому, что исповедывали передо мной большие; но доверие это было очень шатко.

Помню, что, когда мне было лет одиннадцать, один мальчик, давно умерший, Володенька М., учившийся в гимназии, придя к нам на воскресенье, как последнюю новинку объявил нам открытие, сделанное в гимназии. Открытие состояло в том, что Бога нет и что все, чему нас учат, одни выдумки (это было в 1838 году). Помню, как старшие братья заинтересовались этою новостью, позвали и меня на совет. Мы все, помню, очень оживились и приняли это известие как что-то очень занимательное и весьма возможное.

Помню еще, что, когда старший мой брат Дмитрий, будучи в университете, вдруг, с свойственною его натуре страстностью, предался вере и стал ходить ко всем службам, поститься, вести чистую и нравственную жизнь, то мы все, и даже старшие, не переставая поднимали его на смех и прозвали почему-то Ноем.

Помню, Мусин-Пушкин, бывший тогда попечителем Казанского университета, звавший нас к себе танцевать, насмешливо уговаривал отказывавшегося брата тем, что и Давид плясал пред ковчегом. Я сочувствовал тогда этим шуткам старших и выводил из них заключение о том, что учить катехизис надо, ходить в церковь надо, но слишком серьезно всего этого принимать не следует. Помню еще, что я очень молодым читал Вольтера, и насмешки его не только не возмущали, но очень веселили меня.

Отпадение мое от веры произошло во мне так же, как оно происходило и происходит теперь в людях нашего склада образования. Оно, как мне кажется, происходит в большинстве случаев так: люди живут так, как все живут, а живут все на основании начал, не только не имеющих ничего общего с вероучением, но большею частью противоположных ему; вероучение не участвует в жизни, и в сношениях с другими людьми никогда не приходится сталкиваться и в собственной жизни самому никогда не приходится справляться с ним; вероучение это исповедуется где-то там, вдали от жизни и независимо от нее. Если сталкиваешься с ним, то только как с внешним, не связанным с жизнью, явлением.

По жизни человека, по делам его, как теперь, так и тогда, никак нельзя узнать, верующий он или нет. Если и есть различие между явно исповедующими православие и отрицающими его, то не в пользу первых. Как теперь, так и тогда явное признание и исповедание православия большею частью встречалось в людях тупых, жестоких и безнравственных и считающих себя очень важными. Ум же, честность, прямота, добродушие и нравственность большею частью встречались в людях, признающих себя неверующими.

В школах учат катехизису и посылают учеников в церковь; от чиновников требуют свидетельств в бытии у причастия. Но человек нашего круга, который не учится больше и не находится на государственной службе, и теперь, а в старину еще больше, мог прожить десятки лет, не вспомнив ни разу о том, что он живет среди христиан и сам считается исповедующим христианскую православную веру.

Так что как теперь, так и прежде вероучение, принятое по доверию и поддерживаемое внешним давлением, понемногу тает под влиянием знаний и опытов жизни, противоположных вероучению, и человек очень часто долго живёт, воображая, что в нем цело то вероучение, которое сообщено было ему с детства, тогда как его давно уже нет и следа.

Мне рассказывал С., умный и правдивый человек, как он перестал верить.

Лет двадцати шести уже, он раз на ночлеге во время охоты, по старой, с детства принятой привычке, стал вечером на молитву. Старший брат, бывший с ним на охоте, лежал на сене и смотрел на него. Когда С. кончил и стал ложиться, брат его сказал ему: "А ты еще все делаешь это?" И больше ничего они не сказали друг другу. И С. перестал с этого дня становиться на молитву и ходить в церковь. И вот тридцать лет не молится, не причащается и не ходит в церковь. И не потому, чтобы он знал убеждения своего брата и присоединился бы к ним, не потому, чтоб он решил что-нибудь в своей душе, а только потому, что слово это, сказанное братом, било как толчок пальцем в стену, которая готова была упасть от собственной тяжести; слово это было указанием на то, что там, где он думал, что есть вера, давно уже пустое место, и что потому слова, которые он говорит, и кресты, и поклоны, которые он кладет во время стояния на молитве, суть вполне бессмысленные действия. Сознав их бессмысленность, он не мог продолжать их.

Так было и бывает, я думаю, с огромным большинством людей. Я говорю о людях нашего образования, говорю о людях, правдивых с самими собою, а не о тех, которые самый предмет веры делают средством для достижения каких бы то ни было временных целей. (Эти люди -- самые коренные неверующие, потому что если вера для них -- средство для достижения каких-нибудь житейских целей, то это уж наверно не вера.) Эти люди нашего образования находятся в том положении, что свет знания и жизни растопил искусственное здание, и они или уже заметили это и освободили место, или еще не заметили этого.

Сообщенное мне с детства вероучение исчезло во мне так же, как и в других, с той только разницей, что так как я очень рано стал много читать и думать, то мое отречение от вероучения очень рано стало сознательным. Я с шестнадцати лет перестал становиться на молитву и перестал по собственному побуждению ходить в церковь и говеть. Я перестал верить в то, что мне было сообщено с детства, но я верил во что-то. Во что я верил, я никак бы не мог сказать. Верил я и в Бога или, скорее, я не отрицал Бога, но какого Бога, я бы не мог сказать; не отрицал я и Христа и его учение, но в чем было его учение, я тоже не мог бы сказать.

Теперь, вспоминая то время, я вижу ясно, что вера моя -- то, что, кроме животных инстинктов, двигало моею жизнью, -- единственная истинная вера моя в то время была вера в совершенствование. Но в чем было совершенствование и какая была цель его, я бы не мог сказать. Я старался совершенствовать себя умственно, -- я учился всему, чему мог и на что наталкивала меня жизнь; я старался совершенствовать свою волю -- составлял себе правила, которым старался следовать; совершенствовал себя физически, всякими упражнениями изоощряя силу и ловкость и всякими лишениями приучая себя к выносливости и терпению. И все это я считал совершенствованием. Началом всего было, разумеется, нравственное совершенствование, но скоро оно подменилось совершенствованием вообще, т. е. желанием быть лучше не перед самим собою или перед Богом, а желанием быть лучше перед другими людьми. И очень скоро это стремление быть лучше перед людьми подменилось желанием быть сильнее других людей, т. е. славнее, важнее, богаче других.

II

Когда-нибудь я расскажу историю моей жизни -- и трогательную и поучительную в эти десять лет моей молодости. Думаю, что многие и многие испытали то же. Я всею душой желал быть хорошим; но я был молод, у меня были страсти, а я был один, совершенно один, когда искал хорошего. Всякий раз, когда я пытался выказывать то, что составляло самые душевные мои желания: то, что я хочу быть нравственно хорошим, я встречал презрение и насмешки; а как только я предавался гадким страстям, меня хвалили и поощряли.

Честолюбие, властолюбие, корыстолюбие, любострастие, гордость, гнев, месть -- все это уважалось. Отдаваясь этим страстям, я становился похож на большого, и я чувствовал, что мною довольны. Добрая тетушка моя, чистейшее существо, с которой я жил, всегда говорила мне, что она ничего не желала бы так для меня, как того, чтоб я имел связь с замужнею женщиной: "rien ne forme un eeune homme comme une liaison avec une femme comme il faut";¹ еще другого счастья она желала мне, -- того, чтоб я был адъютантом, и лучше всего у государя; и самого большого счастья -- того, чтоб я женился на очень богатой девушке и чтоб у меня, вследствие этой женитьбы, было как можно больше рабов.

1 ничто так не образует молодого человека, как связь с порядочной женщиной

Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах.

Я убивал людей да войне, вызывал на дуэли, чтоб убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодения всех родов, пьянство, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал, и за все это меня хвалили, считали и считают мои сверстники сравнительно нравственным человеком. Так я жил десять лет.

В это время я стал писать из тщеславия, корыстолюбия и гордости. В писаниях своих я делал то же самое, что и в жизни. Для того чтобы иметь славу и деньги, для которых я писал, надо было скрывать хорошее и выказывать дурное. Я так и делал. Сколько раз я ухитрялся скрывать в писаниях своих, под видом равнодушия и даже легкой насмешливости, те мои стремления к добру, которые составляли смысл моей жизни. И я достигал этого: меня хвалили.

Двадцати шести лет я приехал после войны в Петербург и сошелся с писателями. Меня приняли как своего, льстили мне. И не успел я оглянуться, как сословные писательские взгляды на жизнь тех людей, с которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мне все мои прежние попытки сделаться лучше. Взгляды эти под распущенность моей жизни подставили теорию, которая ее оправдывала.

Взгляд на жизнь этих людей, моих сотоварищей по писанию, состоял в том, что жизнь вообще идет развиваясь и что в этом развитии главное участие принимаем мы, люди мысли, а из людей мысли главное влияние имеем мы -- художники, поэты. Наше призвание -- учить людей. Для того же, чтобы не представился тот естественный вопрос самому себе: что я знаю и чему мне учить, -- в теории этой было выяснено, что этого и не нужно знать, а что художник и поэт бессознательно учит. Я считался чудесным художником и поэтом, и потому мне очень естественно было усвоить эту теорию. Я -- художник, поэт -- писал, учил, сам не зная чему. Мне за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помещение, женщины, общество, у меня была слава. Стало быть, то, чему я учил, было очень хорошо.

Вера эта в значение поэзии и в развитие жизни была вера, и я был одним из жрецов ее. Быть жрецом ее было очень выгодно и приятно. И я довольно долго жил в этой вере, не сомневаясь в ее истинности. Но на второй и в особенности на третий год такой жизни я стал сомневаться в непогрешимости этой веры и стал ее исследовать. Первым поводом к сомнению было то, что я стал замечать, что жрецы этой веры не все были согласны между собою. Одни говорили: мы -- самые хорошие и полезные учителя, мы учим тому, что нужно, а другие учат неправильно. А другие говорили: нет, мы -- настоящие, а вы учите неправильно. И они спорили ссорились, бранились, обманывали, плутовали друг против друга. Кроме того было много между нами людей и не заботящихся о том, кто прав, кто не прав, а просто достигающих своих корыстных целей с помощью этой нашей деятельности. Все это заставило меня усомниться в истинности нашей веры.

Кроме того, усомнившись в истинности самой веры писательской, я стал внимательнее наблюдать жрецов ее и убедился, что почти все жрецы этой веры, писатели, были люди безнравственные и, в большинстве, люди плохие, ничтожные по характерам -- много ниже тех людей, которых я встречал в моей прежней разгульной и военной жизни -- но самоуверенные и довольные собой, как только могут быть довольны люди совсем святые или такие, которые и не знают, что такое святость. Люди мне опротивели, и сам себе я опротивел, и я понял, что вера эта -- обман.

Но странно то, что хотя всю эту ложь веры я понял скоро и отрекся от нее, но от чина, данного мне этими людьми, -- от чина художника, поэта, учителя, -- я не отрекся. Я наивно воображал, что я -- поэт, художник, и могу учить всех, сам не зная, чему я учу. Я так и делал.

Из сближения с этими людьми я вынес новый порок -- до болезненности развившуюся гордость и сумасшедшую уверенность в том, что я призван учить людей, сам не зная чему.

Теперь, вспоминая об этом времени, о своем настроении тогда и настроении тех людей (таких, впрочем, и теперь тысячи), мне и жалко, и страшно, и смешно, -- возникает именно то самое чувство, которое испытываешь в доме сумасшедших.

Мы все тогда были убеждены, что нам нужно говорить и говорить, писать, печатать -- как можно скорее, как можно больше, что все это нужно для блага человечества. И тысячи нас, отрицая, ругая один другого, все печатали, писали, поучая других. И, не замечая того, что мы ничего не знаем, что на самый простой вопрос жизни: что хорошо, что дурно, -- мы не знаем, что ответить, мы все, не слушая друг друга, все враз говорили, иногда потакая друг другу и восхваляя друг друга с тем, чтоб и мне потакали и меня похвалили, иногда же раздражаясь и перекрикивая друг друга, точно так, как в сумасшедшем доме.

Тысячи работников дни и ночи из последних сил работали, набирали, печатали миллионы слов, и почта развозила их по всей России, а мы все еще больше и больше учили, учили и учили и никак не успевали всему научить, и все сердились, что нас мало слушают.

Ужасно странно, но теперь мне понятно. Настоящим, душевным рассуждением нашим было то, что мы хотим как можно больше получать денег и похвал. Для достижения этой цели мы ничего другого не умели делать, как только писать книжки и газеты. Мы это и делали. Но для того, чтобы нам делать столь бесполезное дело и иметь уверенность, что мы -- очень важные люди, нам надо было еще рассуждение, которое бы оправдывало нашу деятельность. И вот у нас было придумано следующее: все, что существует, то разумно. Все же, что существует, все развивается. Развивается же все посредством просвещения. Просвещение же измеряется распространением книг, газет. А нам платят деньги и нас уважают за то, что мы пишем книги и газеты, и потому мы -- самые полезные и хорошие люди. Рассуждение это было бы очень хорошо, если бы мы все были согласны; но так как на каждую мысль, высказываемую одним, являлась всегда мысль, диаметрально противоположная, высказываемая другим, то это должно бы было заставить нас одуматься. Но мы этого не замечали. Нам платили деньги, и люди нашей партии нас хвалили, -- стало быть, мы, каждый из нас, считали себя правыми.

Теперь мне ясно, что разницы с сумасшедшим домом никакой не было; тогда же я только смутно подозревал это, и то только, как и все сумасшедшие, -- называл всех сумасшедшими, кроме себя.

III

Так я жил, предаваясь этому безумию еще шесть лет, до моей женитьбы. В это время я поехал за границу. Жизнь в Европе и сближение мое с передовыми и учеными европейскими людьми утвердило меня еще больше в той вере совершенствования вообще, которой я жил, потому что ту же самую веру я нашел и у них. Вера эта приняла во мне ту обычную форму, которую она имеет у большинства образованных людей нашего времени. Вера эта выражалась словом "прогресс". Тогда мне казалось, что этим словом выражается что-то. Я не понимал еще того, что, мучимый, как всякий живой человек вопросами, как мне лучше жить, я, отвечая: жить сообразно с прогрессом, -- говорю совершенно то же, что скажет человек, несомый в лодке по волнам и по ветру, на главный и единственный для него вопрос: "куда держаться", -- если он, не отвечая на вопрос, скажет: "нас несет куда-то".

Тогда я не замечал этого. Только изредка -- не разум, а чувство возмущалось против этого общего в наше время суеверия, которым люди заслоняют от себя свое непонимание жизни. Так, в бытность мою в Париже, вид смертной казни обличил мне шаткость моего суеверия прогресса. Когда я увидел, как голова отделилась от тела, и то, и другое врозь застучало в ящике, я понял -- не умом, а всем существом, -- что никакие теории разумности существующего и прогресса не могут

оправдать этого поступка и что если бы все люди в мире, по каким бы то ни было теориям, с сотворения мира, находили, что это нужно, -- я знаю, что это не нужно, что это дурно и что поэтому судья тому, что хорошо и нужно, не то, что говорят и делают люди, и не прогресс, а я с своим сердцем. Другой случай сознания недостаточности для жизни суеверия прогресса была смерть моего брата. Умный, добрый, серьезный человек, он заболел молодым, страдал более года и мучительно умер, не понимая, зачем он жил, и еще менее понимая, зачем он умирает. Никакие теории ничего не могли ответить на эти вопросы ни мне, ни ему во время его медленного и мучительного умирания.

Но это были только редкие случаи сомнения, в сущности же я продолжал жить, исповедуя только веру в прогресс. "Все развивается, и я развиваюсь; а зачем это я развиваюсь вместе со всеми, это видно будет". Так бы я тогда должен был формулировать свою веру.

Вернувшись из-за границы, я поселился в деревне и попал на занятие крестьянскими школами. Занятие это было мне особенно по сердцу, потому что в нем не было той, ставшей для меня очевидной, лжи, которая мне уже резала глаза в деятельности литературного учительства. Здесь я тоже действовал во имя прогресса, но я уже относился критически к самому прогрессу. Я говорил себе, что прогресс в некоторых явлениях своих совершался неправильно и что вот надо отнестись к первобытным людям, крестьянским детям, совершенно свободно, предлагая им избрать тот путь прогресса, который они захотят.

В сущности же я вертелся все около одной и той же неразрешимой задачи, состоящей в том, чтоб учить, не зная чему. В высших сферах литературной деятельности мне ясно было, что нельзя учить, не зная, чему учить, потому что я видел, что все учат различному и спорами между собой скрывают только сами от себя свое незнание; здесь же, с крестьянскими детьми, я думал, что можно обойти эту трудность тем, чтобы предоставить детям учиться, чему они хотят. Теперь мне смешно вспомнить, как я вилял, чтоб исполнить свою похоть -- учить, хотя очень хорошо знал в глубине души, что я не могу ничему учить такому, что нужно, потому что сам не знаю, что нужно. После года, проведенного в занятиях школой, я другой раз поехал за границу, чтобы там узнать, как бы это так сделать, чтобы, самому ничего не зная, уметь учить других.

И мне казалось, что я этому выучился за границей, и, вооруженный всей этой премудростью, я в год освобождения крестьян вернулся в Россию и, заняв место посредника, стал учить и необразованный народ в школах, и образованных людей в журнале, который я начал издавать. Дело, казалось, шло хорошо, но я чувствовал, что я не совсем умственно здоров и долго это не может продолжаться. И я бы тогда же, может быть, пришел к тому отчаянию, к которому я пришел в пятьдесят лет, если б у меня не было еще одной стороны жизни, не изведанной еще мною и обещавшей мне спасение: это была семейная жизнь.

В продолжение года я занимался посредничеством, школами и журналом и так измучился, от того особенно, что запутался, так мне тяжела стала борьба по посредничеству, так смутно проявлялась деятельность моя в школах, так противно мне стало мое виляние в журнале, состоявшее все в одном и том же -- в желании учить всех и скрыть то, что я не знаю, чему учить, что я заболел более духовно, чем физически, -- бросил все и поехал в степь к башкирам -- дышать воздухом, пить кумыс и жить животной жизнью.

Вернувшись оттуда, я женился. Новые условия счастливой семейной жизни совершенно уже отвлекли меня от всякого искания общего смысла жизни. Вся жизнь моя сосредоточилась за это время в семье, в жене, в детях и потому в заботах об увеличении средств жизни. Стремление к усовершенствованию, подмененное уже прежде стремлением к усовершенствованию вообще, к прогрессу, теперь подменилось уже прямо стремлением к тому, чтобы мне с семьей было как можно лучше.

Так прошло еще пятнадцать лет.

Несмотря на то, что я считал писательство пустяками в продолжение этих пятнадцати лет, я все-таки продолжал писать. Я вкусил уже соблазна писательства, соблазна огромного денежного вознаграждения и рукоплесканий за ничтожный труд и предавался ему как средству к улучшению

своего материального положения и заглушению в душе всяких вопросов о смысле жизни моей и общей.

Я писал, поучая тому, что для меня было единой истиной, что надо жить так, чтобы самому с семьей было как можно лучше.

Так я жил, но пять лет тому назад со мною стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, и я терялся и впадал в уныние. Но это проходило, и я продолжал жить по-прежнему. Потом эти минуты недоумения стали повторяться чаще и чаще и все в той же самой форме. Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: Зачем?

Ну, а потом?

Сначала мне казалось, что это так -- бесцельные, неуместные вопросы.

Мне казалось, что это все известно и что если я когда и захочу заняться их разрешением, это не будет стоить мне труда, -- что теперь только мне некогда этим заниматься, а когда вздумаю, тогда и найду ответы. Но чаще и чаще стали повторяться вопросы, настоятельнее и настоятельнее требовались ответы, и как точки, падая все на одно место, сплотились эти вопросы без ответов в одно черное пятно.

Случилось то, что случается с каждым заболевающим смертельною внутреннею болезнью. Сначала появляются ничтожные признаки недомогания, на которые больной не обращает внимания, потом признаки эти повторяются чаще и чаще и сливаются в одно нераздельное по времени страдание. Страдание растет, и больной не успеет оглянуться, как уже сознает, что то, что он принимал за недомогание, есть то, что для него значительнее всего в мире, что это -- смерть.

То же случилось и со мной. Я понял, что это -- не случайное недомогание, а что-то очень важное, и что если повторяются все те же вопросы, то надо ответить на них. И я попытался ответить. Вопросы казались такими глупыми, простыми, детскими вопросами. Но только что я тронул их и попытался разрешить, я тотчас же убедился, во-первых, в том, что это не детские и глупые вопросы, а самые важные и глубокие вопросы в жизни, и, во-вторых, в том, что я не могу и не могу, сколько бы я ни думал, разрешить их. Прежде чем заняться самарским именем, воспитанием сына, писанием книги, надо знать, зачем я это буду делать. Пока я не знаю -- зачем, я не могу ничего делать. Среди моих мыслей о хозяйстве, которые очень занимали меня в то время, мне вдруг приходил в голову вопрос: "Ну хорошо, у тебя будет 6000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом?.." И я совершенно опешивал и не знал, что думать дальше. Или, начиная думать о том, как я воспитаю детей, я говорил себе: "Зачем?" Или, рассуждая о том, как народ может достигнуть благосостояния, я вдруг говорил себе: "А мне что за дело?"

Или, думая о той славе, которую приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: "Ну хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, -- ну и что ж!.." И я ничего и ничего не мог ответить.

IV

Жизнь моя остановилась. Я мог дышать, есть, пить, спать, и не мог не дышать, не есть, не пить, не спать; но жизни не было, потому что не было таких желаний, удовлетворение которых я находил бы разумным. Если я желал чего, то я вперед знал, что, удовлетворю или не удовлетворю мое желание, из этого ничего не выйдет.

Если бы пришла волшебница и предложила мне исполнить мои желания, я бы не знал, что сказать.

Если есть у меня не желания, но привычки желаний прежних, в пьяные минуты, то я в трезвые минуты знаю, что это -- обман, что нечего желать.

Даже узнать истину я не мог желать, потому что я догадывался, в чем она состояла. Истина была то, что жизнь есть бессмыслица.

Я как будто жил-жил, шел-шел и пришел к пропасти и ясно увидал, что впереди ничего нет, кроме гибели. И остановиться нельзя, и назад нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видеть,

что ничего нет впереди, кроме обмана жизни и счастья и настоящих страданий и настоящей смерти -- полного уничтожения.

Жизнь мне опостылела -- какая-то непреодолимая сила влекла меня к тому, чтобы как-нибудь избавиться от нее. Нельзя сказать, чтоб я хотел убить себя.

Сила, которая влекла меня прочь от жизни, была сильнее, полнее, общего хотенья. Это была сила, подобная прежнему стремлению жизни, только в обратном отношении. Я всеми силами стремился прочь от жизни. Мысль о самоубийстве пришла мне так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни. Мысль эта была так соблазнительна, что я должен был употреблять против себя хитрости, чтобы не привести ее слишком поспешно в исполнение. Я не хотел торопиться только потому, что хотелось употребить все усилия, чтобы распутаться! Если не распутаюсь, то всегда успею, говорил я себе. И вот тогда я, счастливый человек, вынес из своей комнаты, где я каждый вечер бывал один, раздеваясь, шнурок, чтобы не повеситься на перекладине между шкапами, и перестал ходить с ружьем на охоту, чтобы не соблазниться слишком легким способом избавления себя от жизни. Я сам не знал, чего я хочу: я боялся жизни, стремился прочь от нее и, между тем, чего-то еще надеялся от нее.

И это сделалось со мной в то время, когда со всех сторон было у меня то, что считается совершенным счастьем: это было тогда, когда мне не было пятидесяти лет. У меня была добрая, любящая и любимая жена, хорошие дети, большое имение, которое без труда с моей стороны росло и увеличивалось. Я был уважаем близкими и знакомыми, больше чем когда-нибудь прежде, был восхваляем чужими и мог считать, что я имею известность, без особенного самообольщения. При этом я не только не был телесно или духовно нездоров, но, напротив, пользовался силой и духовной, и телесной, какую я редко встречал в своих сверстниках: телесно я мог работать на покосах, не отставая от мужиков; умственно я мог работать по восьми--десяти часов подряд, не испытывая от такого напряжения никаких последствий. И в таком положении я пришел к тому, что не мог жить и, боясь смерти, должен был употреблять хитрости против себя, чтобы не лишиться себя жизни.

Душевное состояние это выражалось для меня так: жизнь моя есть какая-то кем-то сыгранная надо мной глупая и злая шутка. Несмотря на то, что я не признавал никакого "кого-то", который бы меня сотворил, эта форма представления, что кто-то надо мной подшутил зло и глупо, произведя меня на свет, была самая естественная мне форма представления.

Неволью мне представлялось, что там где-то есть кто-то, который теперь потешается, глядя на меня, как я целые 30--40 лет жил, жил учась, развиваясь, возрастая телом и духом, и как я теперь, совсем окрепнув умом, дойдя до той вершины жизни, с которой открывается вся она, -- как я дурак-дураком стою на этой вершине, ясно понимая, что ничего в жизни и нет, и не было, и не будет. "А ему смешно...»

Но есть ли, или нет этот кто-нибудь, который смеется надо мной, мне от этого не легче. Я не мог придать никакого разумного смысла ни одному поступку, ни всей моей жизни. Меня только удивляло то, как мог я не понимать этого в самом начале. Все это так давно всем известно. Не нынче-завтра придут болезни, смерть (и приходили уже) на любимых людей, на меня, и ничего не останется, кроме смрада и червей. Дела мои, какие бы они ни были, все забудутся -- раньше, позднее, да и меня не будет. Так из чего же хлопотать?

Как может человек не видеть этого и жить -- вот что удивительно! Можно жить только, покуда пьян жизнью; а как протрезвишься, то нельзя не видеть, что все это -- только обман, и глупый обман! Вот именно, что ничего даже нет смешного и остроумного, а просто -- жестоко и глупо.

Давно уже рассказана восточная басня про путника, застигнутого в степи разъяренным зверем. Спасаясь от зверя, путник вскакивает в безводный колодезь, но на дне колодца видит дракона, разинувшего пасть, чтобы пожрать его. И несчастный, не смея вылезть, чтобы не погибнуть от разъяренного зверя, не смея и спрыгнуть на дно колодца, чтобы не быть пожранным драконом, ухватывается за ветви растущего в расщелинах колодца дикого куста и держится на нем.

Руки его ослабевают, и он чувствует, что скоро должен будет отдаться погибели, с обеих сторон ждущей его; но он все держится, и пока он держится, он оглядывается и видит, что две мыши, одна черная, другая белая, равномерно обходя стволину куста, на котором он висит, подтачивают ее. Вот-вот сам собой обломится и оборвется куст, и он упадет в пасть дракону. Путник видит это и знает, что он неминуемо погибнет; но пока он висит, он ищет вокруг себя и находит на листьях куста капли меда, достает их языком и лижет их.

Так и я держусь за ветки жизни, зная, что неминуемо ждет дракон смерти, готовый растерзать меня, и не могу понять, зачем я попал на это мучение. И я пытаюсь сосать тот мед, который прежде утешал меня; но этот мед уже не радует меня, а белая и черная мышь -- день и ночь--подтачивают ветку, за которую я держусь. Я ясно вижу дракона, и мед уже не сладок мне. Я вижу одно -- неизбежного дракона и мышей, -- и не могу отвести от них взор. И это не басня, а это истинная, неоспоримая и всякому понятная правда.

Прежний обман радостей жизни, заглушавший ужас дракона, уже не обманывает меня. Сколько ни говори мне: ты не можешь понять смысла жизни, не думай, живи, -- я не могу делать этого, потому что слишком долго делал это прежде. Теперь я не могу не видеть дня и ночи, бегущих и ведущих меня к смерти. Я вижу это одно, потому что это одно -- истина. Остальное все -- ложь.

Те две капли меда, которые дольше других отводили мне глаза от жестокой истины -- любовь к семье и к писательству, которые я называл искусством, -- уже не сладки мне.

"Семья"... -- говорил я себе; -- но семья -- жена, дети; они тоже люди.

Они находятся в тех же самых условиях, в каких и я: они или должны жить во лжи, или видеть ужасную истину. Зачем же им жить? Зачем мне любить их, беречь, растить и блюсти их? Для того же отчаяния, которое во мне, или для тупоумия! Любя их, я не могу скрывать от них истины, -- всякий шаг в познании ведет их к этой истине. А истина -- смерть.

"Искусство, поэзия?.." Долго под влиянием успеха похвалы людской я уверял себя, что это -- дело, которое можно делать, несмотря на то, что придет смерть, которая уничтожит все -- и меня, и мои дела, и память о них; но скоро я увидел, что и это -- обман. Мне было ясно, что искусство есть украшение жизни, заманка к жизни. Но жизнь потеряла для меня свою заманчивость, как же я могу заманивать других? Пока я не жил своею жизнью, а чужая жизнь несла меня на своих волнах, пока я верил, что жизнь имеет смысл, хоть я и не умею выразить его, -- отражения жизни всякого рода в поэзии и искусствах доставляли мне радость, мне весело было смотреть на жизнь в это зеркальце искусства; но когда я стал отыскивать смысл жизни, когда я почувствовал необходимость самому жить, -- зеркальце это стало мне или ненужно, излишне и смешно, или мучительно. Мне нельзя уже было утешаться тем, что я в зеркальце вижу, что положение мое глупо и отчаянно. Хорошо мне было радоваться этому, когда в глубине души я верил, что жизнь моя имеет смысл. Тогда эта игра светов и теней -- комического, трагического, трогательного, прекрасного, ужасного в жизни -- потешала меня. Но когда я знал, что жизнь бессмысленна и ужасна, -- игра в зеркальце не могла уже забавлять меня. Никакая сладость меда не могла быть сладка мне, когда я видел дракона и мышей, подтачивающих мою опору.

Но и этого мало. Если б я просто понял, что жизнь не имеет смысла, я спокойно бы мог знать это, мог бы знать, что это -- мой удел. Но я не мог успокоиться на этом. Если б я был как человек, живущий в лесу, из которого он знает, что нет выхода, я бы мог жить; но я был как человек, заблудившийся в лесу, на которого нашел ужас оттого, что он заблудился. и он мечется, желая выбраться на дорогу, знает, что всякий шаг еще больше путает его, и не может не метаться.

Вот это было ужасно. И чтоб избавиться от этого ужаса, я хотел убить себя. Я испытывал ужас перед тем, что ожидает меня -- знал, что этот ужас ужаснее самого положения, но не мог отогнать его и не мог терпеливо ожидать конца. Как ни убедительно было рассуждение о том, что все равно разорвется сосуд в сердце или лопнет что-нибудь, и все кончится, я не мог терпеливо ожидать конца. Ужас тьмы был слишком велик, и я хотел поскорее, поскорее избавиться от него петель или пуль. И вот это-то чувство сильнее всего влекло меня к самоубийству.

V

"Но, может быть, я просмотрел что-нибудь, не понял чего-нибудь? -- несколько раз говорил я себе. -- Не может же быть, чтобы это состояние отчаяния было свойственно людям". И я искал объяснения на мои вопросы во всех тех знаниях, которые приобрели люди. И я мучительно и долго искал, и не из праздного любопытства, не вяло искал, но искал мучительно, упорно, дни и ночи, -- искал, как ищет погибающий человек спасенья, -- и ничего не нашел.

Я искал во всех знаниях и не только не нашел, но убедился, что все те, которые так же, как и я, искали в знании, точно так же ничего не нашли. И не только не нашли, но ясно признали, что то самое, что приводило меня в отчаяние -- бессмыслица жизни, -- есть единственное несомненное знание, доступное человеку.

Я искал везде и, благодаря жизни, проведенной в учении, а также тому, что, по связям своим с миром ученых, мне были доступны сами ученые всех разнообразных отраслей знания, не отказывавшиеся открывать мне все свои знания не только в книгах, но и в беседах, -- я узнал все то, что на вопрос жизни отвечает знание.

Долго я никак не мог поверить тому, что знание ничего другого не отвечает на вопросы жизни, как то, что оно отвечает. Долго мне казалось, вглядываясь в важность и серьезность тона науки, утверждавшей свои положения, не имеющие ничего общего с вопросами человеческой жизни, что я чего-нибудь не понимаю. Долго я робел перед знанием, и мне казалось, что несоответственность ответов моим вопросам происходит не по вине знания, а от моего невежества; но дело было для меня не шуточное, не забава, а дело всей моей жизни, и я волея-неволей был приведен к убеждению, что вопросы мои -- одни законные вопросы, служащие основой всякого знания, и что виноват не я с моими вопросами, а наука, если она имеет притязательность отвечать на эти вопросы.

Вопрос мой -- тот, который в пятьдесят лет привел меня к самоубийству, был самый простой вопрос, лежащий в душе каждого человека, от глупого ребенка до мудрейшего старца, -- тот вопрос, без которого жизнь невозможна, как я и испытал это на деле. Вопрос состоит в том: "Что выйдет из того, что я делаю нынче, что буду делать завтра, -- что выйдет из всей моей жизни?"

Иначе выраженный, вопрос будет такой: "Зачем же мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?" Еще иначе выразить вопрос можно так: "Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?"

На этот-то, один и тот же, различно выраженный вопрос я искал ответа в человеческом знании. И я нашел, что по отношению к этому вопросу все человеческие знания разделяются как бы на две противоположные полусферы, на двух противоположных концах которых находятся два полюса: один -- отрицательный, другой -- положительный, но что ни на том, ни на другом полюсе нет ответов на вопросы жизни.

Один ряд знаний как бы и не признает вопроса, но зато ясно и точно отвечает на свои независимо поставленные вопросы: это -- ряд знаний опытных, и на крайней точке их стоит математика; другой ряд знаний признает вопрос, но не отвечает на него: это -- ряд знаний умозрительных, и на крайней их точке -- метафизика.

С ранней молодости меня занимали умозрительные знания, но потом и математические и естественные науки привлекли меня, и пока я не поставил себе ясно своего вопроса, пока вопрос этот не вырос сам во мне, требуя настоятельно разрешения, до тех пор я удовлетворялся теми подделками ответов на вопрос, которые дает знание.

То, в области опытной, я говорил себе: "Все развивается, дифференцируется, идет к усложнению и усовершенствованию, и есть законы, руководящие этим ходом. Ты -- часть целого. Познав, насколько возможно, целое и познав закон развития, ты познаешь и свое место в этом целом, и самого себя". Как ни совестно мне признаться, но было время, когда я как будто удовлетворялся этим. Это было то самое время, когда я сам усложнялся и развивался. Мускулы мои росли и укреплялись, память обогащалась, способность мышления и понимания

увеличивалась, я рос и развивался, и, чувствуя в себе этот рост, мне естественно было думать, что это-то и есть закон всего мира, в котором я найду разрешение и вопросов моей жизни. Но пришло время, когда рост во мне прекратился -- я почувствовал, что не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы мои слабеют, зубы падают, -- и я увидел, что этот закон не только ничего мне не объясняет, но что и закона такого никогда не было и не могло быть, а что я принял за закон то, что нашел в себе в известную пору жизни. Я строже отнесся к определению этого закона; и мне ясно стало, что законов бесконечного развития не может быть; ясно стало, что сказать: в бесконечном пространстве и времени все развивается, совершенствуется, усложняется, дифференцируется, -- это значит ничего не сказать. Все это -- слова без значения, ибо в бесконечном нет ни сложного, ни простого, ни передела, ни зада, ни лучше, ни хуже.

Главное же то, что вопрос мой личный: что я такое с моими желаниями? -- оставался уже совсем без ответа. И я понял, что знания эти очень интересны, очень привлекательны, но что точны и ясны эти знания обратно пропорционально их приложимости к вопросам жизни: чем менее они приложимы к вопросам жизни, тем они точнее и яснее, чем более они пытаются давать решения на вопросы жизни, тем более они становятся неясными и непривлекательными. Если обратишься к той отрасли этих знаний, которые пытаются давать решения на вопросы жизни, -- к физиологии, психологии, биологии, социологии, -- то тут встречаешь поражающую бедность мысли, величайшую неясность, ничем не оправданную притязательность на решение неподлежащих вопросов и беспрестанные противоречия одного мыслителя с другими и даже с самим собою.

Если обратишься к отрасли знаний, не занимающихся разрешением вопросов жизни, но отвечающих на свои научные, специальные вопросы, то восхищаешься силой человеческого ума, но знаешь вперед, что ответов на вопросы жизни нет.

Эти знания прямо игнорируют вопрос жизни. Они говорят: "На то, что ты такое и зачем ты живешь, мы не имеем ответов и этим не занимаемся; а вот если тебе нужно знать законы света, химических соединений, законы развития организмов, если тебе нужно знать законы тел, их форм и отношение чисел и величин, если тебе нужно знать законы своего ума, то на все это у нас есть ясные, точные и несомненные ответы".

Вообще отношение наук опытных к вопросу жизни может быть выражено так: Вопрос: Зачем я живу? -- Ответ: В бесконечно большом пространстве, в бесконечно долгое время, бесконечно малые частицы видоизменяются в бесконечной сложности, и когда ты поймешь законы этих видоизменений, тогда поймешь, зачем ты живешь.

То, в области умозрительной, я говорил себе: "Все человечество живет и развивается на основании духовных начал, идеалов, руководящих его. Эти идеалы выражаются в религиях, в науках, искусствах, формах государственности. Идеалы эти все становятся выше и выше, и человечество идет к высшему благу. Я -- часть человечества, и потому призвание мое состоит в том, чтобы содействовать сознанию и осуществлению идеалов человечества". И я во время слабоумия своего удовлетворялся этим; но как скоро ясно восстал во мне вопрос жизни, вся эта теория мгновенно рушилась.

Не говоря о той недобросовестной неточности, при которой знания этого рода выдают выводы, сделанные из изучения малой части человечества, за общие выводы, не говоря о взаимной противоречивости разных сторонников этого воззрения о том, в чем состоят идеалы человечества, -- странность, чтобы не сказать -- глупость, этого воззрения состоит в том, что для того, чтоб ответить на вопрос, предстоящий каждому человеку: "что я такое" или: "зачем я живу", или: "что мне делать", -- человек должен прежде разрешить вопрос: "что такое жизнь всего неизвестного ему человечества, из которой ему известна одна крошечная часть в один крошечный период времени". Для того чтобы понять, что он такое, человек должен прежде понять, что такое все это таинственное человечество, состоящее из таких же людей, как и он сам, не понимающих самих себя.

Должен сознаться, что было время, когда я верил этому. Это было то время, когда у меня были свои излюбленные идеалы, оправдывавшие мои прихоти, и я старался придумать такую теорию, по которой я мог бы смотреть на свой прихоти, как на закон человечества. Но как скоро восстал в моей душе вопрос жизни во всей ясности, ответ этот тотчас же разлетелся прахом. И я понял, что как в науках опытных есть настоящие науки и полунауки, пытающиеся давать ответы на не подлежащие им вопросы, так и в этой области я понял, что есть целый ряд самых распространенных знаний, старающихся отвечать на не подлежащие вопросы. Полунауки этой области -- науки юридические, социальные, исторические -- пытаются разрешать вопросы человека тем, что они мнимо, каждая по-своему разрешают вопрос жизни всего человечества.

Но как в области опытных знаний человек, искренно спрашивающий, как мне жить, не может удовлетвориться ответом: изучи в бесконечном пространстве бесконечные по времени и сложности изменения бесконечных частиц, и тогда ты поймешь свою жизнь, точно так же не может искренний человек удовлетвориться ответом: изучи жизнь всего человечества, которого ни начала, ни конца мы не можем знать и малой части которого мы не знаем, и тогда ты поймешь свою жизнь. И точно так же, как в полунауках опытных, и эти полунауки тем более исполнены неясностей, неточностей, глупостей и противоречий, чем далее они уклоняются от своих задач. Задача опытной науки есть причинная последовательность материальных явлений. Стоит опытной науке ввести вопрос о конечной причине, и получается чепуха. Задача умозрительной науки есть сознание беспричинной сущности жизни. Стоит ввести исследование причинных явлений, как явления социальные, исторические, и получается чепуха.

Опытная наука тогда только дает положительное знание и являет величие человеческого ума, когда она не вводит в свои исследования конечной причины.

И наоборот, умозрительная наука -- тогда только наука и являет величие человеческого ума, когда она устраняет совершенно вопросы о последовательности причинных явлений и рассматривает человека только по отношению к конечной причине. Такова в этой области наука, составляющая полюс этой полусферы, -- метафизика, или умозрительная философия. Наука эта ясно ставит вопрос: что такое я и весь мир? и зачем я и зачем весь мир? И с тех пор как она есть, она отвечает всегда одинаково идеями ли, субстанцией ли, духом ли, волею ли называет философ сущность жизни, находящуюся во мне и во всем существующем, философ говорит одно, что эта сущность есть и что я есть та же сущность; но зачем она, он не знает, и не отвечает, если он точный мыслитель. Я спрашиваю: Зачем быть этой сущности? Что выйдет из того, что она есть и будет?... И философия не только не отвечает, а сама только это и спрашивает. И если она -- истинная философия, то вся ее работа только в том и состоит, чтоб ясно поставить этот вопрос. И если она твердо держится своей задачи, то она и не может отвечать иначе на вопрос: "что такое я и весь мир?" -- "все и ничто"; а на вопрос: "зачем существует мир и зачем существую я?" -- "не знаю". Так что, как я ни верти теми умозрительными ответами философии, я никак не получу ничего похожего на ответ, -- и не потому, что, как в области ясной, опытной, ответ относится не до моего вопроса, а потому, что тут, хотя вся работа умственная направлена именно на мой вопрос, ответа нет, и вместо ответа получается тот же вопрос, только в усложненной форме.

VI

В поисках за ответами на вопрос жизни я испытал совершенно то же чувство, которое испытывает заблудившийся в лесу человек.

Вышел на поляну, влез на дерево и увидел ясно беспредельные пространства, но увидел, что дома там нет и не может быть; пошел в чашу, во мрак, и увидел мрак, и тоже нет и нет дома.

Так я блуждал в этом лесу знаний человеческих между просветами знаний математических и опытных, открывавших мне ясные горизонты, но такие, по направлению которых не могло быть дома, и между мраком умозрительных знаний, в которых я погружался тем в больший мрак, чем дальше я подвигался, и убедился, наконец, в том, что выхода нет и не может быть.

Отдаваясь светлой стороне знаний, я понимал, что я только отвожу себе глаза от вопроса. Как ни заманчивы, ясны были горизонты, открывавшиеся мне, как ни заманчиво было погружаться

в бесконечность этих знаний, я понимал уже, что они, эти знания, тем более ясны, чем менее они мне нужны, чем менее отвечают на вопрос.

Ну, я знаю, -- говорил я себе, -- все то, что так упорно желает знать наука, а ответа на вопрос о смысле моей жизни на этом пути нет. В умозрительной же области я понимал, что, несмотря на то, или именно потому, что цель знания была прямо направлена на ответ моему вопросу, ответа нет иного, как тот который я сам дал себе: Какой смысл моей жизни? -- Никакого.

-- Или: Что выйдет из моей жизни? -- Ничего. -- Или: Зачем существует все то, что существует, и зачем я существую? -- Затем, что существует.

Спрашивая у одной стороны человеческих знаний, я получал бесчисленное количество точных ответов о том, о чем я не спрашивал: о химическом составе звезд, о движении солнца к созвездию Геркулеса, о происхождении видов и человека, о формах бесконечно малых атомов, о колебании бесконечно малых невесомых частиц эфира; но ответ в этой области знаний на мой вопрос: в чем смысл моей жизни? -- был один: ты -- то, что ты называешь твоей жизнью, ты -- временное, случайное сцепление частиц. Взаимное воздействие, изменение этих частиц производит в тебе то, что ты называешь твоею жизнью. Сцепление это продержится некоторое время: потом взаимодействие этих частиц прекратится -- и прекратится то, что ты называешь жизнью, прекратятся и все твои вопросы. Ты -- случайно слепившийся комочек чего-то. Комочек прееет.

Прение это комочек называет своею жизнью. Комочек раскочится -- и кончится прение и все вопросы. Так отвечает ясная сторона знаний и ничего другого не может сказать, если она только строго следует своим основам.

При таком ответе оказывается, что ответ отвечает не на вопрос. Мне нужно знать смысл моей жизни, а то, что она есть частица бесконечного, не только не придает ей смысла, но уничтожает всякий возможный смысл.

Те же неясные сделки, которые делает эта сторона опытного, точного знания с умозрением, при которых говорится, что смысл жизни состоит в развитии и содействии этому развитию, по неточности и неясности своей не могут считаться ответами.

Другая сторона знания, умозрительная, когда она строго держится своих основ, прямо отвечая на вопрос, везде и во все века отвечает и отвечала одно и то же: мир есть что-то бесконечное и непонятное. Жизнь человеческая есть непостижимая часть этого непостижимого "всего". Опять я исключаю все те сделки между умозрительными и опытными знаниями, которые составляют весь балласт полунаук, так называемых юридических, политических, исторических. В эти науки опять так же неправильно вводятся понятия развития, совершенствования с тою только разницей, что там -- развитие всего, а здесь -- жизни людей. Неправильность одна и та же: развитие, совершенствование в бесконечном не может иметь ни цели, ни направления и по отношению к моему вопросу ничего не отвечает.

Там же, где умозрительное знание точно, именно в истинной философии, не в той, которую Шопенгауэр называл профессорской философией, служащей только к тому, чтобы распределить все существующие явления по новым философским графам и назвать их новыми именами, -- там, где философ не упускает из вида существенный вопрос, ответ, всегда один и тот же, -- ответ, данный Сократом, Шопенгауэром, Соломоном, Буддой.

"Мы приблизимся к истине только настолько, насколько мы удалимся от жизни, -- говорит Сократ, готовясь к смерти, -- К чему мы, любящие истину, стремимся в жизни? -- К тому, чтоб освободиться от тела и от всего зла, вытекающего из жизни тела. Если так, то как же нам не радоваться, когда смерть приходит к нам?"

"Мудрец всю жизнь ищет смерть, и потому смерть не страшна ему".

"Познавши внутреннюю сущность мира как волю, -- говорит Шопенгауэр, -- и во всех явлениях, от бессознательного стремления темных сил природы до полной сознанием деятельности человека, признавши только предметность этой воли, мы никак не избежим того следствия, что вместе с свободным отрицанием, самоуничтожением воли исчезнут и все те

явления, то постоянное стремление и влечение без цели и отдыха на всех ступенях предметности, в котором и через которое состоит мир, исчезнет разнообразие последовательных форм, исчезнут вместе с формой все ее явления с своими общими формами, пространством и временем, а наконец и последняя основная его форма -- субъект и объект. Нет воли, нет представления, нет и мира. Перед нами, конечно, остается только ничто. Но то, что противится этому переходу в ничтожество, наша природа есть ведь только эта самая воля к существованию (Wille zum Leben), составляющая нас самих, как и наш мир. Что мы так боимся ничтожества, или, что то же, так хотим жить -- означает только, что мы сами не что иное, как это хотение жизни, и ничего не знаем, кроме него. Поэтому то, что останется по совершенном уничтожении воли для нас, которые еще полны волей, есть, конечно, ничто; но и, наоборот, для тех, в которых воля обратилась и отреклась от себя, для них этот наш столь реальный мир, со всеми его солнцами и млечными путями, есть ничто".

"Суэта сует, -- говорит Соломон, -- суэта сует -- все суэта! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род преходит и род приходит, а земля пребывает вовеки. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться; и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это новое"; но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после. Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме. И предал я сердце мое тому, чтоб исследовать и испытать мудростию все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтоб они упражнялись в нем. Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все суэта и томление духа... Говорил я в сердце моем так: вот я возвеличился, приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания. И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это -- томление духа. Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания -- умножает скорбь.

"Сказал я в сердце моем: дай испытаю я тебя веселеем и насладюсь добром; но и это -- суэта.

О смехе сказал я: глупость, а о веселии: что оно делает? Вздумал я в сердце своем услаждать вином тело мое и, между тем как сердце мое руководилось мудростью, придержаться и глупости, доколе не увижу, что хорошо для сынов человеческих, что должны были бы они делать под небом в немногие дни своей жизни. Я предпринял большие дела: построил себе дома, насадил себе виноградники. Устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья; сделал себе водоемы для орошения из них рошей, произрастающих деревьев; приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; собрал себе серебра, и золота, и драгоценностей от царей и областей; завел у себя певцов и певиц и услаждения сынов человеческих -- разные музыкальные орудия. И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; и мудрость моя пребывала со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселия. И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их, и вот все -- суэта и томление духа, и нет от них пользы под солнцем. И оглянулся я, чтобы взглянуть на мудрость, и безумие, и глупость. Но узнал я, что одна участь постигает их всех. И сказал я в сердце своем: и меня постигнет та же участь, как и глупого, -- к чему же я сделался очень мудрым? И сказал я в сердце моем, что и это -- суэта.

Потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и, увы, мудрый умирает наравне с глупым! И возненавидел я жизнь, потому что противны мне стали дела, которые делаются под солнцем, ибо все -- суэта и томление духа. И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня. Ибо что будет иметь человек от всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится он под солнцем? Потому что все дни его -- скорби, и его труды -- беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя.

И это -- суета. Не во власти человека и то благо, чтоб есть и пить и услаждать душу свою от труда своего...

"Всему и всем -- одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злему, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы.

Это-то и худо во всем, что делается под солнцем, что одна участь всем, и сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их; а после того они отходят к умершим. Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву. Живые знают, что умрут, а мертвые не знают ничего, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению; и любовь их, и ненависть их, и ревность их уже исчезли, и нет им более чести вовеки ни в чем, что делается под солнцем".

Так говорит Соломон или тот, кто писал эти слова. А вот что говорит индийская мудрость: Сакиа-Муни, молодой счастливый царевич, от которого скрыты были болезни, старость, смерть, едет на гулянье и видит страшного старика, беззубого и слюнявого. Царевич, от которого до сих пор скрыта была старость, удивляется и выпрашивает возницу, что это такое и отчего этот человек пришел в такое жалкое, отвратительное, безобразное состояние? И когда узнает, что это общая участь всех людей, что ему, молодому царевичу, неизбежно предстоит то же самое, он не может уже ехать гулять и приказывает вернуться, чтоб обдумать это. И он запирается один и обдумывает. И, вероятно, придумывает себе какое-нибудь утешение, потому что опять веселый и счастливый выезжает на гулянье. Но в этот раз ему встречается больной. Он видит изможденного, посиневшего, трясущегося человека, с помутившимися глазами. Царевич, от которого скрыты были болезни, останавливается и спрашивает, что это такое. И когда он узнает, что это -- болезнь, которой подвержены все люди, и что он сам, здоровый и счастливый царевич, завтра может заболеть так же, он опять не имеет духа веселиться, приказывает вернуться и опять ищет успокоения и, вероятно, находит его, потому что в третий раз едет гулять; но в третий раз он видит еще новое зрелище; он видит, что несут что-то. -- "Что это?" -- Мертвый человек. -- "Что значит мертвый?" -- спрашивает царевич. Ему говорят, что сделаться мертвым значит сделаться тем, чем сделался этот человек. -- Царевич подходит к мертвому, открывает и смотрит на него. -- "Что же будет с ним дальше?" -- спрашивает царевич. Ему говорят, что его закопают в землю. -- "Зачем?" -- Затем, что он уже наверно не будет больше никогда живой, а только будет от него смрад и черви. -- "И это удел всех людей? И со мною то же будет? Меня закопают, и от меня будет смрад, и меня съедят черви?" -- Да. -- "Назад! Я не еду гулять, и никогда не поеду больше".

И Сакиа-Муни не мог найти утешения в жизни, и он решил, что жизнь -- величайшее зло, и все силы души употребил на то, чтоб освободиться от нее и освободить других. И освободить так, чтоб и после смерти жизнь не возобновлялась как-нибудь, чтоб уничтожить жизнь совсем, в корне. Это говорит вся индийская мудрость.

Так вот те прямые ответы, которые дает мудрость человеческая, когда она отвечает на вопрос жизни.

"Жизнь тела есть зло и ложь. И потому уничтожение этой жизни тела есть благо, и мы должны желать его", говорит Сократ.

"Жизнь есть то, чего не должно бы быть, -- зло, и переход в ничто есть единственное благо жизни", говорит Шопенгауэр.

"Все в мире -- и глупость и мудрость, и богатство и нищета, и веселье и горе -- все суета и пустяки. Человек умрет, и ничего не останется. И это глупо", говорит Соломон.

"Жить с сознанием неизбежности страданий, ослабления, старости и смерти нельзя -- надо освободить себя от жизни, от всякой возможности жизни", говорит Будда.

И то, что сказали эти сильные умы, говорили, думали и чувствовали миллионы миллионов людей, подобных им. И думаю и чувствую и я.

Так что блуждание мое в знаниях не только не вывело меня из моего отчаяния, но только усилило его. Одно знание не отвечало на вопросы жизни, другое же знание ответило, прямо

подтверждая мое отчаяние и указывая, что то, к чему я пришел, не есть плод моего заблуждения, болезненного состояния ума, -- напротив, оно подтвердило мне то, что я думал верно и сошелся с выводами сильнейших умов человечества.

Обманывать себя нечего. Все -- суета. Счастлив, кто не родился, смерть лучше жизни; надо избавиться от нее.

VII

Не найдя разъяснения в знании, я стал искать этого разъяснения в жизни, надеясь в людях, окружающих меня, найти его, и я стал наблюдать людей -- таких же, как я, как они живут вокруг меня и как они относятся к этому вопросу, приведшему меня к отчаянию.

И вот что я нашел у людей, находящихся в одном со мною положении по образованию и образу жизни.

Я нашел, что для людей моего круга есть четыре выхода из того ужасного положения, в котором мы все находимся.

Первый выход есть выход неведения. Он состоит в том, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и бессмыслица. Люди этого разряда -- большею частью женщины, или очень молодые, или очень тупые люди -- еще не поняли того вопроса жизни, который представился Шопенгауэру, Соломону, Будде. Они не видят ни дракона, ожидающего их, ни мышей, подтачивающих кусты, за которые они держатся, и лижут капли меду. Но они лижут эти капли меда только до времени: что-нибудь обратит их внимание на дракона и мышей, и -- коней их лизанию. От них мне нечему научиться, нельзя перестать знать того, что знаешь.

Второй выход -- это выход эпикурейства. Он состоит в том, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться покамест теми благами, какие есть, не смотреть ни на дракона, ни на мышей, а лизать мед самым лучшим образом, особенно если его на кусте попало много. Соломон выражает этот выход так: "И похвалил я веселье, потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему Бог под солнцем.

"Итак, иди ешь с веселеем хлеб твой и пей в радости сердца вино твое...

Наслаждайся жизнью с женщиною, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, во все суетные дни твои, потому что это -- доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем... Все, что может рука твоя по силам делать, делай, потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости".

Этого второго вывода придерживается большинство людей нашего круга.

Условия, в которых они находятся, делают то, что благ у них больше, чем зол, а нравственная тупость дает им возможность забывать, что выгода их положения случайна, что всем нельзя иметь 1000 женщин и дворцов, как Соломон, что на каждого человека с 1000 жен есть 1000 людей без жен, и на каждый дворец есть 1000 людей, в поте лица строящих его, и что та случайность, которая нынче сделала меня Соломоном, завтра может сделать меня рабом Соломона. Тупость же воображения этих людей дает им возможность забывать про то, что не дало покоя Будде -- неизбежность болезни, старости и смерти, которая не нынче-завтра разрушит все эти удовольствия. То, что некоторые из этих людей утверждают, что тупость их мысли и воображения есть философия, которую они называют позитивной, не выделяет их, на мой взгляд, из разряда тех, которые, не видя вопроса, лижут мед. И этим людям я не мог подражать: не имея их тупости воображения, я не мог ее искусственно произвести в себе. Я не мог, как не может всякий живой человек, оторвать глаз от мышей и дракона, когда он раз увидел их.

Третий выход есть выход силы и энергии. Он состоит в том, чтобы, поняв, что жизнь есть зло и бессмыслица, уничтожить ее. Так поступают редкие сильные и последовательные люди. Поняв всю глупость шутки, какая над ними сыграна, и поняв, что блага умерших паче благ живых и что лучше всего не быть, так и поступают и кончают сразу эту глупую шутку, благо есть средства: петля на шею, вода, нож, чтоб им проткнуть сердце, поезда на железных дорогах. И людей из нашего круга, поступающих так, становится все больше и больше. И поступают люди так

большею частью в самый лучший период жизни, когда силы души находятся в самом расцвете, а унижающих человеческий разум привычек еще усвоено мало. Я видел, что это самый достойный выход, и хотел поступить так.

Четвертый выход есть выход слабости. Он состоит в том, чтобы, понимая зло и бессмысленность жизни, продолжать тянуть ее, зная вперед, что ничего из нее выйти не может. Люди этого разбора знают, что смерть лучше жизни, но, не имея сил поступить разумно -- поскорее кончить обман и убить себя, чего-то как будто ждут. Это есть выход слабости, ибо если я знаю лучшее и оно в моей власти, почему не отдаться лучшему?... Я находился в этом разряде.

Так люди моего разбора четырьмя путями спасаются от ужасного противоречия. Сколько я ни напрягал своего умственного внимания, кроме этих четырех выходов я не видал еще иного. Один выход: не понимать того, что жизнь есть бессмыслица, суета и зло и что лучше не жить. Я не мог не знать этого и, когда раз узнал, не мог закрыть на это глаза. Другой выход -- пользоваться жизнью такою, какая есть, не думая о будущем. И этого не мог сделать. Я, как Сакиа-Муни, не мог ехать на охоту, когда знал, что есть старость, страдания, смерть. Воображение у меня было слишком живо. Кроме того, я не мог радоваться минутной случайности, кинувшей на мгновение наслаждение на мою долю. Третий выход: поняв, что жизнь есть зло и глупость, прекратить, убить себя. Я понял это, но почему-то все еще не убивал себя.

Четвертый выход -- жить в положении Соломона, Шопенгауэра -- знать, что жизнь есть глупая, сыгранная надо мною шутка, и все-таки жить, умываться, одеваться, обедать, говорить и даже книжки писать. Это было для меня отвратительно, мучительно, но я оставался в этом положении.

Теперь я вижу, что если я не убил себя, то причиной тому было смутное сознание несправедливости моих мыслей. Как ни убедителен и несомненен казался мне ход моей мысли и мыслей мудрых, приведших нас к признанию бессмыслицы жизни, во мне оставалось неясное сомнение в истинности исходной точки моего рассуждения.

Оно было такое: Я, мой разум -- признали, что жизнь неразумна. Если нет высшего разума (а его нет, и ничто доказать его не может), то разум есть творец жизни для меня. Не было бы разума, не было бы для меня и жизни. Как же этот разум отрицает жизнь, а он сам творец жизни? Или, с другой стороны: если бы не было жизни, не было бы и моего разума, -- стало быть, разум есть сын жизни. Жизнь есть все. Разум есть плод жизни, и разум этот отрицает самую жизнь. Я чувствовал, что тут что-то неладно.

Жизнь есть бессмысленное зло, это несомненно, -- говорил я себе. -- Но я жил, живу еще, и жило и живет все человечество. Как же так? Зачем же оно живет, когда может не жить? Что ж, я один с Шопенгауэром так умен, что понял бессмысленность и зло жизни?

Рассуждение о суете жизни не так хитро, и его делают давно и все самые простые люди, а жили и живут. Что эх, они-то все живут и никогда и не думают сомневаться в разумности жизни?

Мое знание, подтвержденное мудростью мудрецов, открыло мне, что все на свете -- органическое и неорганическое -- все необыкновенно умно устроено, только мое одно положение глупо. А эти дураки -- огромные массы простых людей -- ничего не знают насчет того, как все органическое и неорганическое устроено на свете, а живут, и им кажется, что жизнь их очень разумно устроена!

И мне приходило в голову: а что как я чего-нибудь еще не знаю? Ведь точно так поступает незнание. Незнание ведь всегда это самое говорит. Когда оно не знает чего-нибудь, оно говорит, что глупо то, чего оно не знает. В самом деле выходит так, что есть человечество целое, которое жило и живет, как будто понимая смысл своей жизни, ибо, не понимая его, оно не могло бы жить, а я говорю, что вся эта жизнь бессмыслица, и не могу жить.

Никто не мешает нам с Шопенгауэром отрицать жизнь. Но тогда убей себя -- и не будешь рассуждать. Не нравится тебе жизнь, убей себя. А живешь, не можешь понять смысла жизни, так прекрати ее, а не вертись в этой жизни, рассказывая и расписывая, что ты не понимаешь жизни.

Пришел в веселую компанию, всем очень хорошо, все знают, что они делают, а тебе скучно и противно, так уйди.

Ведь в самом деле, что же такое мы, убежденные в необходимости самоубийства и не решающиеся совершить его, как не самые слабые, непоследовательные и, говоря попросту, глупые люди, носящиеся с своею глупостью, как дурак с писаной торбой?

Ведь наша мудрость, как ни несомненно верна она, не дала нам знания смысла нашей жизни. Все же человечество, делающее жизнь, миллионы -- не сомневаются в смысле жизни.

В самом деле, с тех давних, давних пор, как есть жизнь, о которой я что-нибудь да знаю, жили люди, зная то рассуждение о тщете жизни, которое мне показало ее бессмыслицу, и все-таки жили, придавая ей какой-то смысл. С тех пор как началась какая-нибудь жизнь людей, у них уже был этот смысл жизни, и они вели эту жизнь, дошедшую до меня. Все, что есть во мне и около меня, все это -- плод их знания жизни. Те самые орудия мысли, которыми я обсуждаю эту жизнь и осуждаю ее, все это не иной, а ими сделано. Сам я родился, воспитался, вырос благодаря им. Они выкопали железо, научили рубить лес, приручили коров, лошадей, научили сеять, научили жить вместе, урядили нашу жизнь; они научили меня думать, говорить. И я-то, их произведение, ими вскормленный, вспоенный, ими наученный, их мыслями и словами думающий, доказал им, что они -- бессмыслица! "Тут что-то не так, -- говорил я себе.

-- Где-нибудь я ошибся". Но в чем была ошибка, я никак не мог найти.

VIII

Все эти сомнения, которые теперь я в состоянии высказать более или менее связно, тогда я не мог бы высказать. Тогда я только чувствовал, что, как ни логически неизбежны были мои, подтверждаемые величайшими мыслителями, выводы о тщете жизни, в них было что-то неладно. В самом ли рассуждении, в постановке ли вопроса, я не знал; я чувствовал только, что убедительность разумная была совершенная, но что ее было мало. Все эти доводы не могли убедить меня так, чтоб я сделал то, что вытекало из моих рассуждений, т. е.

чтоб я убил себя. И я бы сказал неправду, если бы сказал, что я разумом пришел к тому, к чему я пришел, и не убил себя. Разум работал, но работало и еще что-то другое, что я не могу назвать иначе, как сознанием жизни.

Работала еще та сила, которая заставляла меня обращать внимание на то, а не на это, и эта-то сила и вывела меня из моего отчаянного положения и совершенно иначе направила разум. Эта сила заставила меня обратить внимание на то, что я с сотнями подобных мне людей не есть все человечество, что жизни человечества я еще не знаю.

Оглядывая тесный кружок сверстных мне людей, я видел только людей, не понимавших вопроса, понимавших и заглушавших вопрос пьянством жизни, понявших и прекращавших жизнь и понявших и по слабости доживавших отчаянную жизнь. И я не видал иных. Мне казалось, что тот тесный кружок ученых, богатых. и достужих людей, к которому я принадлежал, составляет все человечество, а что те миллиарды живших и живых, это -- так, какие-то скоты -- не люди.

Как ни странно, ни невероятно-непонятно кажется мне теперь то, как мог я, рассуждая про жизнь, просмотреть окружающую меня со всех сторон жизнь человечества, как я мог до такой степени смешно заблуждаться, чтобы думать, что жизнь моя, Соломонов и Шопенгауэров есть настоящая, нормальная жизнь, а жизнь миллиардов есть не стоящее внимания обстоятельство, как ни странно это мне теперь, я вижу, что это было так. В заблуждении гордости своего ума мне так казалось несомненным, что мы с Соломоном и Шопенгауэром поставили вопрос так верно и истинно, что другого ничего быть не может, так несомненно казалось, что все эти миллиарды принадлежат к тем, которые еще не дошли до постижения всей глубины вопроса, что я искал смысла своей жизни и ни разу не подумал: "да какой же смысл придадут и придавали своей жизни все миллиарды, жившие и живущие на свете?"

Я долго жил в этом сумасшествии, особенно свойственном, не на словах, но на деле, нам -- самым либеральным и ученым людям. Но благодаря ли моей какой-то странной физической любви к настоящему рабочему народу, заставившей меня понять его и увидеть, что он не так глуп, как мы

думаем, или благодаря искренности моего убеждения в том, что я ничего не могу знать, как то, что самое лучшее, что я могу сделать -- это повеситься, я чувал, что если я хочу жить и понимать смысл жизни, то искать этого смысла жизни мне надо не у тех, которые потеряли смысл жизни и хотят убить себя, а у тех миллиардов отживших и живых людей, которые делают жизнь и на себе несут свою и нашу жизнь. И я оглянулся на огромные массы отживших и живущих простых, не ученых и не богатых людей и увидел совершенно другое. Я увидел, что все эти миллиарды живших и живущих людей, все, за редкими исключениями, не подходят к моему делению, что признать их не понимающими вопроса я не могу, потому что они сами ставят его и с необыкновенной ясностью отвечают на него. Признать их эпикурейцами тоже не могу, потому что жизнь их складывается больше из лишений и страданий, чем наслаждений; признать же их неразумно доживающими бессмысленную жизнь могу еще меньше, так как всякий акт их жизни и самая смерть объясняются ими. Убивать же себя они считают величайшим злом.

Оказывалось, что у всего человечества есть какое-то не признаваемое и презираемое мною знание смысла жизни. Выходило то, что знание разумное не дает смысла жизни, исключает жизнь; смысл же, придаваемый жизни миллиардами людей, всем человечеством, зиждется на каком-то презренном, ложном знании.

Разумное знание в лице ученых и мудрых отрицает смысл жизни, а огромные массы людей, все человечество -- признают этот смысл в неразумном знании. И это неразумное знание есть вера, та самая, которую я не мог не откинуть. Это Бог, это творение в 6 дней, дьяволы и ангелы и все то, чего я не могу принять, пока я не сошел с ума.

Положение мое было ужасно. Я знал, что я ничего не найду на пути разумного знания, кроме отрицания жизни, а там в вере -- ничего, кроме отрицания разума, которое еще невозможнее, чем отрицание жизни. По разумному знанию выходило так, что жизнь есть зло, и люди знают это, от людей зависит не жить, а они жили и живут, и сам я жил, хотя и знал уже давно то, что жизнь бессмысленна и есть зло. По вере выходило, что для того, чтобы понять смысл жизни, я должен отречься от разума, того самого, для которого нужен смысл.

IX

Выходило противоречие, из которого было только два выхода: или то, что я называл разумным, не было так разумно, как я думал; или то, что мне казалось неразумно, не было так неразумно, как я думал. И я стал проверять ход рассуждений моего разумного знания.

Проверяя ход рассуждений разумного знания, я нашел его совершенно правильным. Вывод о том, что жизнь есть ничто, был неизбежен; но я увидел ошибку. Ошибка была в том, что я мыслил несоответственно поставленному мною вопросу. Вопрос был тот: зачем мне жить, т. е. что выйдет настоящего, не уничтожающегося из моей призрачной, уничтожающейся жизни, какой смысл имеет мое конечное существование в этом бесконечном мире? И чтоб ответить на этот вопрос, я изучал жизнь.

Решения всех возможных вопросов жизни, очевидно, не могли удовлетворять меня, потому что мой вопрос, как он ни прост кажется сначала, включает в себя требование объяснения конечного бесконечным и наоборот.

Я спрашивал: какое вневременное, внепричинное, внепространственное значение моей жизни? -- А отвечал я на вопрос: какое временное, причинное и пространственное значение моей жизни? Вышло то, что после долгого труда мысли я ответил: никакого.

В рассуждениях моих я постоянно приравнивал, да и не мог поступить иначе, конечное к конечному и бесконечное к бесконечному, а потому у меня и выходило, что и должно было выходить: сила есть сила, вещество есть вещество, воля есть воля, бесконечность есть бесконечность, ничто есть ничто, и дальше ничего не могло выйти.

Было что-то подобное тому, что бывает в математике, когда, думая решать уравнение, решаешь тождество. Ход размышления правилен, но в результате получается ответ: $a = a$, или $x = x$, или $0 = 0$. То же самое случилось и с моим рассуждением по отношению к вопросу о значении моей жизни. Ответы, даваемые всей наукой на этот вопрос, -- только тождества.

И действительно, строго разумное знание, то знание, которое, как это сделал Декарт, начинает с полного сомнения во всем, откидывает всякое допущенное на веру знание и строит все вновь на законах разума и опыта, -- и не может дать иного ответа на вопрос жизни, как тот самый, который я и получил, -- ответ неопределенный. Мне только показалось сначала, что знание дало положительный ответ -- ответ Шопенгауэра: жизнь не имеет смысла, она есть зло. Но, разобрав дело, я понял, что ответ не положительный, что мое чувство только выразило его так. Ответ же строго выраженный, как он выражен и у браминов, и у Соломона, и у Шопенгауэра, есть только ответ неопределенный, или тождество: $0=0$, жизнь, представляющаяся мне ничем, есть ничто. Так что знание философское ничего не отрицает, а только отвечает, что вопрос этот не может быть решен им, что для него решение остается неопределенным.

Поняв это, я понял, что и нельзя было искать в разумном знании ответа на мой вопрос и что ответ, даваемый разумным знанием, есть только указание на то, что ответ может быть получен только при иной постановке вопроса, только тогда, когда в рассуждение будет введен вопрос отношения конечного к бесконечному. Я понял и то, что, как ни неразумны и уродливы ответы, даваемые верою, они имеют то преимущество, что вводят в каждый ответ отношение конечного к бесконечному, без которого не может быть ответа. Как я ни поставлю вопрос: как мне жить? -- ответ: по закону Божию. -- Что выйдет настоящего из моей жизни? -- Вечные мучения или вечное блаженство. -- Какой смысл, не уничтожаемый смертью? -- Соединение с бесконечным Богом, рай.

Так что, кроме разумного знания, которое мне прежде представлялось единственным, я был неизбежно приведен к признанию того, что у всего живущего человечества есть еще какое-то другое знание, неразумное -- вера, дающая возможность жить. Вся неразумность веры оставалась для меня та же, как и прежде, но я не мог не признать того, что она одна дает человечеству ответы на вопросы жизни и, вследствие того, возможность жить.

Разумное знание привело меня к признанию того, что жизнь бессмысленна, жизнь моя остановилась, и я хотел уничтожить себя. Оглянувшись на людей, на все человечество, я увидел, что люди живут и утверждают, что знают смысл жизни. На себя оглянулся: я жил, пока знал смысл жизни. Как другим людям, так и мне смысл жизни и возможность жизни давала вера.

Оглянувшись дальше на людей других стран, на современных мне и на отживших, я увидел одно и то же. Где жизнь, там вера, с тех пор, как есть человечество, дает возможность жить, и главные черты веры везде и всегда одни и те же.

Какие бы и кому бы ни давала ответы какая бы то ни была вера, всякий ответ веры конечному существованию человека придает смысл бесконечного, -- смысл, не уничтожаемый страданиями, лишениями и смертью. Значит -- в одной вере можно найти смысл и возможность жизни. И я понял, что вера в самом существенном своем значении не есть только "обличение вещей невидимых" и т.

д., не есть откровение (это есть только описание одного из признаков веры) не есть только отношение человека к Богу (надо определить веру, а потом Бога, а не через Бога определять веру), не есть только согласие с тем, что сказали человеку, как чаще всего понимается вера, -- вера есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет.

Вера есть сила жизни. Если человек живет, то он во что-нибудь да верит. Если б он не верил, что для чего-нибудь надо жить, то он бы не жил. Если он не видит и не понимает призрачности конечного, он верит в это конечное; если он понимает призрачность конечного, он должен верить в бесконечное. Без веры нельзя жить.

И я вспомнил весь ход своей внутренней работы и ужаснулся. Теперь мне было ясно, что для того, чтобы человек мог жить, ему нужно или не видеть бесконечного, или иметь такое объяснение смысла жизни, при котором конечное приравнивалось бы бесконечному. Такое объяснение у меня было, но оно мне было не нужно, пока я верил в конечное, и я стал разумом проверять его. И перед светом разума все прежнее объяснение разлетелось прахом. Но пришло время, когда я перестал верить в конечное. И тогда я стал на разумных основаниях строить из того, что я знал, такое объяснение, которое дало бы смысл жизни; но ничего не построилось. Вместе с

лучшими умами человечества я пришел к тому, что $0 = 0$, и очень удивился, что получил такое решение, тогда как ничего иного и не могло выйти.

Что я делал, когда я искал ответа в знаниях опытных? -- Я хотел узнать, зачем я живу, и для этого изучал все то, что вне меня. Ясно, что я мог узнать многое, но ничего из того, что мне нужно.

Что я делал, когда я искал ответа в знаниях философских? Я изучал мысли тех существ, которые находились в том же самом положении, как и я, которые не имели ответа на вопрос: зачем я живу. Ясно, что я ничего и не мог узнать иного, как то, что я сам знал, что ничего знать нельзя.

Что такое я? -- часть бесконечного. Ведь уже в этих двух словах лежит вся задача. Неужели этот вопрос только со вчерашнего дня сделало себе человечество? И неужели никто до меня не сделал себе этого вопроса -- вопроса такого простого, просящегося на язык каждому умному дитяти?

Ведь этот вопрос был поставлен с тех пор, как люди есть; и с тех пор, как люди есть, понято, что для решения этого вопроса одинаково недостаточно приравнять конечное к конечному и бесконечное к бесконечному, и с тех пор как люди есть, отысканы отношения конечного к бесконечному и выражены.

Все эти понятия, при которых приравнивается конечное к бесконечному и получается смысл жизни, понятия Бога, свободы, добра, мы подвергаем логическому исследованию. И эти понятия не выдерживают критики разума.

Если бы не было так ужасно, было бы смешно, с какой гордостью и самодовольством мы, как дети, разбираем часы, вынимаем пружину, делаем из нее игрушку и потом удивляемся, что часы перестают идти.

Нужно и дорого разрешение противоречия конечного с бесконечным и ответ на вопрос жизни такой, при котором возможна жизнь. И это единственное разрешение, которое мы находим везде, всегда и у всех народов, -- разрешение, вынесенное из времени, в котором теряется для нас жизнь людей, разрешение столь трудное, что мы ничего подобного сделать не можем, -- это-то разрешение мы легкомысленно разрушаем с тем, чтобы поставить опять тот вопрос, который присущ всякому и на который у нас нет ответа.

Понятия бесконечного Бога, божественности души, связи дел людских с Богом, понятия нравственного добра и зла -- суть понятия, выработанные в скрывающейся от наших глаз исторической дали жизни человечества, суть те понятия, без которых не было бы жизни и меня самого, а я, откинув всю эту работу всего человечества, хочу все сам один сделать по-новому и по-своему.

Я не так думал тогда, но зародыши этих мыслей уже были во мне. Я понимал, 1) что мое положение с Шопенгауэром и Соломоном, несмотря на нашу мудрость, глупо: мы понимаем, что жизнь есть зло, и все-таки живем. Это явно глупо, потому что, если жизнь глупа, -- а я так люблю все разумное, -- то надо уничтожить жизнь, и некому будет отрицать ее. 2) Я понимал, что все наши рассуждения вертятся в заколдованном круге, как колесо, не цепляющееся за шестерню. Сколько бы и как бы хорошо мы ни рассуждали, мы не можем получить ответа на вопрос. и всегда будет $0 = 0$, и что потому путь наш, вероятно, ошибочен. 3) Я начинал понимать, что в ответах, даваемых верою, хранится глубочайшая мудрость человечества, и что я не имел права отрицать их на основании разума, и что, главное, ответы эти одни отвечают на вопрос жизни.

Х

Я понимал это, но от этого мне было не легче. Я готов был принять теперь всякую веру, только бы она не требовала от меня прямого отрицания разума, которое было бы ложью. И я изучал и буддизм, и магометанство по книгам, и более всего христианство и по книгам, и по живым людям, окружавшим меня.

Я, естественно, обратился прежде всего к верующим людям моего круга, к людям ученым, к православным богословам, к монахам-старцам, к православным богословам нового оттенка и даже к так называемым новым христианам, исповедующим спасение верою в искупление. И я ухватывался за этих верующих и допрашивал их о том, как они верят и в чем видят смысл жизни.

Несмотря на то, что я делал всевозможные уступки, избегал всяких споров, я не мог принять веры этих людей, -- я видел, что то, что выдавали они за веру, было не объяснение, а затемнение смысла жизни, и что сами они утверждали свою веру не для того, чтоб ответить на тот вопрос жизни, который привел меня к вере, а для каких-то других, чуждых мне целей.

Помню мучительное чувство ужаса возвращения к прежнему отчаянию после надежды, которое я испытывал много и много раз в сношениях с этими людьми.

Чем больше, подробнее они излагали мне свои вероучения, тем яснее я видел их заблуждение и потерю моей надежды найти в их вере объяснение смысла жизни.

Не то, что в изложении своего вероучения они примешивали к всегда бывшим мне близкими христианским истинам еще много ненужных и неразумных вещей, -- не это оттолкнуло меня; но меня оттолкнуло то, что жизнь этих людей была та же, как и моя, с тою только разницей, что она не соответствовала тем самым началам, которые они излагали в своем вероучении.

Я ясно чувствовал, что они обманывают себя и что у них, так же как у меня, нет другого смысла жизни, как того, чтобы жить, пока живется, и брать все, что может взять рука. Я видел это по тому, что если б у них был тот смысл, при котором уничтожается страх лишений, страданий и смерти, то они бы не боялись их. А они, эти верующие нашего круга, точно так же, как и я, жили в избытке, старались увеличить или сохранить его, боялись лишений, страданий, смерти, и так же, как я и все мы, неверующие, жили, удовлетворяя похотям жили так же дурно, если не хуже, чем неверующие.

Никакие рассуждения не могли убедить меня в истинности их веры. Только действия такие, которые бы показывали, что у них есть смысл жизни такой, при котором страшные мне нищета, болезнь, смерть не страшны им, могли бы убедить меня. А таких действий я не видел между этими разнообразными верующими нашего круга. Я видал такие действия, напротив, между людьми нашего круга самыми неверующими, но никогда между так называемыми верующими нашего круга.

И я понял, что вера этих людей -- не та вера, которой я искал, что их вера не есть вера, а только одно из эпикурейских утешений в жизни. Я понял, что эта вера годится, может быть, хоть не для утешения, а для некоторого рассеяния раскаивающемуся Соломону на смертном одре, но она не может годиться для огромного большинства человечества, которое призвано не потешаться, пользуясь трудами других, а творить жизнь. Для того чтобы все человечество могло жить, для того чтоб оно продолжало жизнь, придавая ей смысл, у них, у этих миллиардов, должно быть другое, настоящее знание веры. Ведь не то, что мы с Соломоном и Шопенгауэром не убили себя, не это убедило меня в существовании веры, а то, что жили эти миллиарды и живут и нас с Соломонами вынесли на своих волнах жизни.

И я стал сблизаться с верующими из бедных, простых, неученых людей, с странниками, монахами, раскольниками, мужиками. Вероучение этих людей из народа было тоже христианское, как вероучение мнимоверующих из нашего круга.

К истинам христианским примешано было тоже очень много суеверий, но разница была в том, что суеверия верующих нашего круга были совсем ненужны им, не вязались с их жизнью, были только своего рода эпикурейскою потехой; суеверия же верующих из трудового народа были до такой степени связаны с их жизнью, что нельзя было себе представить их жизни без этих суеверий, -- они были необходимым условием этой жизни. Вся жизнь верующих нашего круга была противоречием их вере, а вся жизнь людей верующих и трудящихся была подтверждением того смысла жизни, который давало знание веры. И я стал вглядываться в жизнь и верования этих людей, и чем больше я вглядывался, тем больше убеждался, что у них есть настоящая вера, что вера их необходима для них и одна дает им смысл и возможность жизни. В противоположность того, что я видел в нашем кругу, где возможна жизнь без веры и где из тысячи едва ли один признает себя верующим, в их среде едва ли один неверующий на тысячи. В противоположность того, что я видел в нашем кругу, где вся жизнь проходит в праздности, потехах и недовольстве жизнью, я видел, что вся жизнь этих людей, проходила в тяжелом труде, и они были менее

недовольны жизнью, чем богатые. В противоположность тому, что люди нашего круга противились и негодовали на судьбу за лишения и страдания, эти люди принимали болезни и горести без всякого недоумения, противления, а с спокойною и твердою уверенностью в том, что все это должно быть и не может быть иначе, что все это -- добро. В противоположность тому, что чем мы умнее, тем менее понимаем смысл жизни и видим какую-то злую насмешку в том, что мы страдаем и умираем, эти люди живут, страдают и приближаются к смерти с спокойствием, чаще же всего с радостью. В противоположность тому, что спокойная смерть, смерть без ужаса и отчаяния, есть самое редкое исключение в нашем круге, смерть беспокойная, непокорная и нерадостная есть самое редкое исключение среди народа. И таких людей лишенных всего того, что для нас с Соломоном есть единственное благо жизни, и испытывающих при этом величайшее счастье, -- много множество. Я оглянулся шире вокруг себя. Я взгляделся в жизнь прошедших и современных огромных масс людей. И я видел таких, понявших смысл жизни, умеющих жить и умирать, не двух, трех, десять, а сотни, тысячи, миллионы. И все они, бесконечно различные по своему нраву, уму, образованию, положению, все одинаково и совершенно противоположно моему неведению знали смысл жизни и смерти, спокойно трудились, переносили лишения и страдания, жили и умирали, видя в этом не суету, а добро.

И я полюбил этих людей. Чем больше я вникал в их жизнь живых людей и жизнь таких же умерших людей, про которых читал и слышал тем больше я любил их, и тем легче мне самому становилось жить. Я жил так года два, и со мной случился переворот, который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга -- богатых, ученых -- не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука, искусства -- все это предстало мне как баловство. Я понял, что искать смысла в этом нельзя. Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представились мне единым настоящим делом. И я понял, что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его.

XI

И вспомнив то, как те же самые верования отталкивали меня и казались бессмысленными, когда их исповедывали люди, жившие противно этим верованиям, и как эти же самые верования привлекли меня и показались мне разумными, когда я видел, что люди живут ими, -- я понял, почему я тогда откинул эти верования и почему нашел их бессмысленными, а теперь принял их и нашел полными смысла. Я понял, что я заблудился и как я заблудился. Я заблудился не столько оттого, что неправильно мыслил, сколько оттого, что я жил дурно. Я понял, что истину закрыло от меня не столько заблуждение моей мысли, сколько самая жизнь моя в тех исключительных условиях эпикурейства, удовлетворения похотям, в которых я провел ее. Я понял, что мой вопрос о том, что есть моя жизнь, и ответ: зло, -- был совершенно правилен.

Неправильно было только то, что ответ, относящийся только ко мне, я отнес к жизни вообще: я спросил себя, что такое моя жизнь, и получил ответ: зло и бессмыслица. И точно, моя жизнь -- жизнь потворства похоти -- была бессмысленна и зла, и потому ответ: "жизнь зла и бессмысленна" -- относился только к моей жизни, а не к жизни людской вообще. Я понял ту истину, впоследствии найденную мною в Евангелии, что люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий худые дела, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его. Я понял, что для того, чтобы понять смысл жизни, надо прежде всего, чтобы жизнь была не бессмысленна и зла, а потом уже -- разум для того, чтобы понять ее. Я понял, почему я так долго ходил около такой очевидной истины, и что если думать и говорить о жизни человечества, то надо говорить и думать о жизни человечества, а не о жизни нескольких паразитов жизни. Истина эта была всегда истина, как $2 \times 2 = 4$, но я не признавал ее, потому что признав $2 \times 2 = 4$, я бы должен был признать то, что я нехорош. А чувствовать себя хорошим для меня было важнее и обязательнее, чем $2 \times 2 = 4$. Я полюбил хороших людей, возненавидел себя, и я признал истину. Теперь мне все ясно стало.

Что, если бы палач, проводящий жизнь в пытках и отсечении голов, или мертвый пьяница, или сумасшедший, засевающий на всю жизнь в темную комнату, огадивший эту свою комнату и

воображающий, что он погибнет, если выйдет из нее, -- что, если б они спросили себя: что такое жизнь? Очевидно, они не могли бы получить на вопрос: что такое жизнь, -- другого ответа, как тот, что жизнь есть величайшее зло; и ответ сумасшедшего был бы совершенно правилен, но для него только. Что, как я такой же сумасшедший? Что, как мы все, богатые, ученые люди, такие же сумасшедшие?

И я понял, что мы действительно такие сумасшедшие. Я-то уж: наверное был такой сумасшедший. И в самом деле, птица существует так, что она должна летать, собирать пищу, строить гнезда, и когда я вижу, что птица делает это, я радуюсь ее радостью. Коза, заяц, волк существуют так, что они должны кормиться, множиться, кормить свой семьи, и когда они делают это, у меня есть твердое сознание, что они счастливы и жизнь их разумна. Что же должен делать человек? Он должен точно так же добывать жизнь, как и животные, но с тою только разницей, что он погибнет, добывая ее один, -- ему надо добывать ее не для себя, а для всех. И когда он делает это, у меня есть твердое сознание, что он счастлив и жизнь его разумна. Что же я делал во всю мою тридцатилетнюю сознательную жизнь? -- Я не только не добывал жизни для всех, я и для себя не добывал ее. Я жил паразитом и, спросив себя, зачем я живу, получил ответ: ни зачем. Если смысл человеческой жизни в том, чтобы добывать ее, то как же я, тридцать лет занимавшийся тем, чтобы не добывать жизнь, а губить ее в себе и других, мог получить другой ответ, как не тот, что жизнь моя есть бессмыслица и зло? Она и была бессмыслица и зло.

Жизнь мира совершается по чьей-то воле, -- кто-то эту жизнь всего мира и нашими жизнями делает свое какое-то дело. Чтоб иметь надежду понять смысл этой воли, надо прежде всего исполнять ее -- делать то, чего от нас хотят. А если я не буду делать того, чего хотят от меня, то и не пойму никогда и того, чего хотят от меня, а уж тем менее -- чего хотят от всех нас и от всего мира.

Если голого, голодного нищего взяли с перекрестка, привели в крытое место прекрасного заведения, накормили, напоили и заставили двигать вверх и вниз какую-то палку, то очевидно, что прежде, чем разбирать, зачем его взяли, зачем двигать палкой, разумно ли устройство всего заведения, нищему прежде всего нужно двигать палкой. Если он будет двигать палкой, тогда он поймет, что палка эта движет насос, что насос накачивает воду, что вода идет по грядкам; тогда его выведут из крытого колодца и поставят на другое дело, и он будет собирать плоды и войдет в радость господина своего и, переходя от низшего дела к высшему, все дальше и дальше понимая устройство всего заведения и участвуя в нем, никогда и не подумает спрашивать, зачем он здесь, и уж никак не станет упрекать хозяина.

Так и не упрекают хозяина те, которые делают его волю, люди простые, рабочие, неученые, те, которых мы считаем скотами; а мы вот, мудрецы, есть едим все хозяйское, а делать не делаем того, чего от нас хочет хозяин, и вместо того, чтобы делать, сели в кружок и рассуждаем: "Зачем это двигать палкой? Ведь это глупо". Вот и додумались. Додумались до того, что хозяин глуп или его нет, а мы умны, только чувствуем, что никуда не годимся, и надо нам как-нибудь самим от себя избавиться.

XII

Сознание ошибки разумного знания помогло мне освободиться от соблазна праздного умствования. Убеждение в том, что знание истины можно найти только жизнью, побудило меня усомниться в правильности моей жизни; но спасло меня только то, что я успел вырваться из своей исключительности и увидеть жизнь настоящую простого рабочего народа и понять, что это только есть настоящая жизнь. Я понял, что если я хочу понять жизнь и смысл ее, мне надо жить не жизнью паразита, а настоящей жизнью и, приняв тот смысл, который придает ей настоящее человечество, слившись с этой жизнью, проверить его.

В это же время со мною случилось следующее. Во все продолжение этого года, когда я почти всякую минуту спрашивал себя: не кончить ли петлей или пулей, -- во все это время, рядом с теми ходами мыслей и наблюдений, о которых я говорил, сердце мое томилось мучительным чувством. Чувство это я не могу назвать иначе, как исканием Бога.

Я говорю, что это искание Бога было не рассуждение, но чувство, потому что это искание вытекало не из моего хода мыслей, -- оно было даже прямо противоположно им, -- но оно вытекало из сердца. Это было чувство страха, сиротливости, одиночества среди всего чужого и надежды на чью-то помощь.

Несмотря на то, что я вполне был убежден в невозможности доказательства бытия Божия (Кант доказал мне, и я вполне понял его, что доказать этого нельзя), я все-таки искал Бога, надеялся на то, что я найду Его, и обращался по старой привычке с мольбой к тому, чего я искал и не находил. То я проверял в уме доводы Канта и Шопенгауэра о невозможности доказательства бытия Божия, то я начинал опровергать их. Причина, говорил я себе, не есть такая же категория мышления, как пространство и время. Если я есмь, то есть на то причина, и причина причин. И эта причина всего есть то, что называют Богом; и я останавливался на этой мысли и старался всем существом сознать присутствие этой причины. И как только я сознавал, что есть сила, во власти которой я нахожусь, так тотчас же я чувствовал возможность жизни. Но я спрашивал себя: "Что же такое эта причина, эта сила? Как мне думать о ней, как мне относиться к тому, что я называю Богом?" И только знакомые мне ответы приходили мне в голову: Он -- творец, промыслитель". Ответы эти не удовлетворяли меня, и я чувствовал, что пропадает во мне то, что мне нужно для жизни. Я приходил в ужас и начинал молиться тому, которого я искал, о том, чтоб Он помог мне И чем больше я молился, тем очевиднее мне было, что Он не слышит меня и что нет никого такого, к которому бы можно было обращаться. И с отчаянием в сердце о том, что нет и нет Бога, я говорил: "Господи, помилуй, спаси меня! Господи, научи меня, Бог мой!" Но никто не миловал меня, и я чувствовал, что жизнь моя останавливается.

Но опять и опять с разных других сторон я приходил к тому же признанию того, что не мог же я без всякого повода, причины и смысла явиться на свет, что не могу я быть таким выпавшим из гнезда птенцом, каким я себя чувствовал. Пускай я, выпавший птенец, лежу на спине, пищу в высокой траве, но я пишу оттого, что знаю, что меня в себе выносила мать, высиживала, грела, кормила, любила. Где она, эта мать? Если забросили меня, то кто же забросил? Не могу я скрыть от себя, что любя родил меня кто-то. Кто же этот кто-то? -- Опять Бог.

"Он знает и видит мои искания, отчаяние, борьбу. Он есть", говорил я себе. И стоило мне на мгновение признать это, как тотчас же жизнь поднималась во мне, и я чувствовал и возможность и радость бытия. Но опять от признания существования Бога я переходил к отысканию отношения к Нему, и опять мне представлялся тот Бог, наш творец, в трех лицах, приславший Сына -- Искупителя. И опять этот отдельный от мира, от меня Бог, как льдина, таял, таял на моих глазах, и опять ничего не оставалось, и опять иссыхал источник жизни, я приходил в отчаяние и чувствовал, что мне нечего сделать другого, как убить себя. И, что было хуже всего, я чувствовал, что и этого я не могу сделать.

Не два, не три раза, а десятки, сотни раз приходил я в эти положения -- то радости и оживления, то опять отчаяния и сознания невозможности жизни.

Помню, это было раннею весной, я один был в лесу, прислушиваясь к звукам леса. Я прислушивался и думал все об одном, как я постоянно думал все об одном и том же эти последние три года. Я опять искал Бога.

"Хорошо, нет никакого Бога, -- говорил я себе, -- нет такого, который бы был не мое представление, но действительность такая же, как вся моя жизнь; нет такого. И ничто, никакие чудеса не могут доказать такого, потому что чудеса будут мое представление, да еще неразумное".

"Но понятие мое о Боге, о том, которого я ищу? -- спросил я себя. -- Понятие-то это откуда взялось?" И опять при этой мысли во мне поднялись радостные волны жизни. Все вокруг меня ожило, получило смысл. Но радость моя продолжалась недолго. Ум продолжал свою работу. "Понятие Бога -- не Бог, -- сказал я себе. -- Понятие есть то, что происходит во мне, понятие о Боге есть то, что я могу возбудить и могу не возбудить в себе. Это не то, чего я ищу. Я ищу того, без чего бы не могла быть жизнь". И опять все стало умирать вокруг меня и во мне, и мне опять захотелось убить себя.

Но тут я оглянулся на самого себя, на то, что происходило во мне; и я вспомнил все эти сотни раз происходившие во мне умирания и оживления. Я вспомнил, что я жил только тогда, когда верил в Бога. Как было прежде, так и теперь, сказал я себе: стоит мне знать о Боге, и я живу; стоит забыть, не верить в Него, и я умираю. Что же такое эти оживления и умирания? Ведь я не живу, когда теряю веру в существование Бога, ведь я бы уж давно убил себя, если б у меня не было смутной надежды найти Его. Ведь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его. Так чего же я ищу еще? -- вскрикнул во мне голос. -- Так вот Он. Он -- то, без чего нельзя жить. Знать Бога и жить -- одно и то же. Бог есть жизнь.

"Живи, отыскивая Бога, и тогда не будет жизни без Бога". И сильнее чем когда-нибудь все осветилось во мне и вокруг меня, и свет этот уже не покидал меня.

И я спасся от самоубийства. Когда и как совершился во мне этот переворот, я не мог бы сказать. Как незаметно, постепенно уничтожалась во мне сила жизни, и я пришел к невозможности жить, к остановке жизни, к потребности самоубийства, так же постепенно, незаметно возвратилась ко мне эта сила жизни. И странно, что та сила жизни, которая возвратилась ко мне, была не новая, а самая старая, -- та самая, которая влекла меня на первых порах моей жизни. Я вернулся во всем к самому прежнему, детскому и юношескому. Я вернулся к вере в ту волю, которая произвела меня и чего-то хочет от меня; я вернулся к тому, что главная и единственная цель моей жизни есть то, чтобы быть лучше, т. е. жить согласнее с этой волей; я вернулся к тому, что выражение этой воли я могу найти в том, что в скрывающейся от меня дали выработало для руководства своего все человечество, т. е. я вернулся к вере в Бога, в нравственное совершенствование и в предание, передававшее смысл жизни. Только та и была разница, что тогда все это было принято бессознательно, теперь же я знал, что без этого я не могу жить.

Со мной случилось как будто вот что: я не помню, когда меня посадили в лодку, оттолкнули от какого-то неизвестного мне берега, указали направление к другому берегу, дали в неопытные руки весла и оставили одного. Я работал, как умел, веслами и плыл; но чем дальше я выплывал на середину, тем быстрее становилось течение, относившее меня прочь от цели, и тем чаще и чаще мне встречались пловцы, такие же, как я, уносимые течением. Были одинокие пловцы, продолжавшие грести; были пловцы, побросавшие весла; были большие лодки огромные корабли, полные народом; одни бились с течением, другие отдавались ему. И чем дальше я плыл, тем больше, глядя на направление вниз, по потоку всех плывущих, я забывал данное мне направление. На самой середине потока, в тесноте лодок и кораблей; несущихся вниз, я уже совсем потерял направление и бросил весла. Со всех сторон с весельем и ликованием вокруг меня неслись на парусах и на веслах пловцы вниз по течению, уверяя меня и друг друга, что и не может быть другого направления. И я поверил им и поплыл с ними. И меня далеко отнесло, так далеко, что я услышал шум порогов, в которых я должен был разбиться, и увидел лодки, разбившиеся в них. И я опомнился. Долго я не мог понять, что со мной случилось. Я видел перед собой одну погибель, к которой я бежал и которой боялся, нигде не видел спасения и не знал, что мне делать. Но, оглянувшись назад, я увидел бесчисленные лодки, которые, не переставая, упорно перебивали течение, вспомнил о берегу, о веслах и направлении и стал выгребаться назад вверх по течению и к берегу.

Берег -- это был Бог, направление -- это было предание, весла -- это была данная мне свобода выгрести к берегу -- соединиться с Богом. Итак, сила жизни возобновилась во мне, и я опять начал жить.

XIII

Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей. Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ, и я обратился к нему и к тому смыслу, который он придает жизни. Смысл этот, если можно его выразить, был следующий. Всякий

человек произошел на этот свет по воле Бога. И Бог так сотворил человека, что всякий человек может погубить свою душу или спасти ее. Задача человека в жизни -- спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-божьи, а чтобы жить по-божьи, нужно отречься от всех утех жизни, трудиться, смиряться, терпеть и быть милостивым. Смысл этот народ черпает из всего вероучения, переданного и передаваемого ему пастырями и преданием, живущим в народе, и выражающимся в легендах, пословицах, рассказах. Смысл этот был мне ясен и близок моему сердцу. Но с этим смыслом народной веры неразрывно связано у нашего не раскольничьего народа, среди которого я жил, много такого, что отталкивало меня и представлялось необъяснимым: таинства, церковные службы, посты, поклонение мощам и иконам. Отделить одно от другого народ не может, не мог и я. Как ни странно мне было многое из того, что входило в веру народа, я принял все, ходил к службам, становился утром и вечером на молитву, постился, говел, и первое время разум мой не противился ничему. То самое, что прежде казалось мне невозможным, теперь не возбуждало во мне противления.

Отношение мое к вере теперь и тогда было совершенно различное. Прежде сама жизнь казалась мне исполнением смысла, и вера представлялась произвольным утверждением каких-то совершенно ненужных мне неразумных и не связанных с жизнью положений. Я спросил себя тогда, какой смысл имеют эти положения, и, убедившись, что они не имеют его, откинул их. Теперь же, напротив, я твердо знал, что жизнь моя не имеет и не может иметь никакого смысла, и положения веры не только не представлялись мне ненужными, но я несомненным опытом был приведен к убеждению, что только эти положения веры дают смысл жизни. Прежде я смотрел на них как на совершенно ненужную тарабарскую грамоту, теперь же, если я не понимал их, то знал, что в них смысл, и говорил себе, что надо учиться понимать их.

Я делал следующее рассуждение. Я говорил себе: знание веры вытекает, как и все человечество с его разумом, из таинственного начала. Это начало есть Бог, начало и тела человеческого, и его разума. Как преемственно от Бога дошло до меня мое тело, так дошли до меня мой разум и мое постигновение жизни, и потому все те ступени развития этого постигновения жизни не могут быть ложны. Все то, во что истинно верят люди, должно быть истина; она может быть различно выражаема, но ложью она не может быть, и потому если она мне представляется ложью, то это значит только то, что я не понимаю ее. Кроме того, я говорил себе: сущность всякой веры состоит в том, что она придает жизни такой смысл, который не уничтожается смертью. Естественно, что для того, чтобы вера могла отвечать на вопрос умирающего в роскоши царя, замученного работой старика-раба, несмышленного ребенка, мудрого старца, полоумной старухи, молодой счастливой женщины, мятущегося страстями юноши, всех людей при самых разнообразных условиях жизни и образования, -- естественно, если есть один ответ, отвечающий на вечный один вопрос жизни: "зачем я живу, что выйдет из моей жизни?" -- то ответ этот, хотя единый по существу своему, должен быть бесконечно разнообразен в своих проявлениях; и чем единее, чем истиннее, глубже этот ответ, тем, естественно, страннее и уродливее он должен являться в своих попытках выражения, сообразно образованию и положению каждого. Но рассуждения эти, оправдывающие для меня странность обрядовой стороны веры, были все-таки недостаточны для того, чтобы я сам, в том единственном для меня деле жизни, в вере, позволил бы себе делать поступки, в которых бы я сомневался. Я желал всеми силами души быть в состоянии слиться с народом, исполняя обрядовую сторону его веры; но я не мог этого сделать. Я чувствовал, что я лгал бы перед собой, насмеялся бы над тем, что для меня свято, если бы я делал это. Но тут мне на помощь явились новые, наши русские богословские сочинения.

По объяснению этих богословов основной догмат веры есть непогрешимая церковь. Из признания этого догмата вытекает, как необходимое последствие, истинность всего исповедуемого церковью.

Церковь, как собрание верующих, соединенных любовью и потому имеющих истинное знание, сделалась основой моей веры. Я говорил себе, что божеская истина не может быть доступна одному человеку, она открывается только всей совокупности людей, соединенных

любовью. Для того чтобы постигнуть истину, надо не разделяться; а для того чтобы не разделяться, надо любить и примиряться с тем, с чем несогласен. Истина откроется любви, и потому, если ты не подчиняешься обрядам церкви, ты нарушаешь любовь; а нарушая любовь, ты лишаешься возможности познать истину. Я не видал тогда софизма, находящегося в этом рассуждении. Я не видал тогда того, что единение в любви может дать величайшую любовь, но никак не богословскую истину, выраженную определенными словами в Никейском символе, не видал и того, что любовь никак не может сделать известное выражение истины обязательным для единения. Я не видал тогда ошибки этого рассуждения и благодаря ему получил возможность принять и исполнять все обряды православной церкви, не понимая большую часть их. Я старался тогда всеми силами души избегать всяких рассуждений, противоречий и пытался объяснить, сколько возможно разумно, те положения церковные, с которыми я сталкивался.

Исполняя обряды церкви, я смирял свой разум и подчинял себя тому преданию, которое имело все человечество. Я соединялся с предками моими, с любимыми мною -- отцом, матерью, дедами, бабками. Они и все прежние верили и жили, и меня произвели. Я соединялся и со всеми миллионами уважаемых мною людей из народа. Кроме того, самые действия эти не имели в себе ничего дурного (дурным я считал потворство похотям). Вставая рано к церковной службе, я знал, что делал хорошо уже только потому, что для смирения своей гордости ума, для сближения с моими предками и современниками, для того, чтобы, во имя искания смысла жизни, я жертвовал своим телесным спокойствием.

То же было при говении, при ежедневном чтении молитв с поклонами, то же при соблюдении всех постов. Как ни ничтожны были эти жертвы, это были жертвы во имя хорошего. Я говел, постился, соблюдал временные молитвы дома и в церкви.

В слушании служб церковных я вникал в каждое слово и придавал им смысл, когда мог. В обедне самые важные слова для меня были: "возлюбим друг друга да единомыслием..." Дальнейшие слова: "исповедуем отца и сына и святого духа" -- я пропускал, потому что не мог понять их.

XIV

Мне так необходимо тогда было верить, чтобы жить, что я бессознательно скрывал от себя противоречия и неясности вероучения. Но это осмысливание обрядов имело предел. Если ектения все яснее и яснее становилась для меня в главных своих словах, если я объяснял себе кое-как слова: "пресвятую владычицу нашу богородицу и всех святых помянувшие, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим", -- если я объяснял частое повторение молитв о царе и его родных тем, что они более подлежат искушению, чем другие, и потому более требуют молитв, то молитвы о покорении под ноги врага и супостата, если я их объяснял тем, что враг есть зло, -- молитвы эти и другие, как херувимская и все таинство проскомидии или "взбранной воеводе" и т. п., почти две трети всех служб или вовсе не имели объяснений, или я чувствовал, что я, подводя им объяснения, лгу и тем совсем разрушаю свое отношение к Богу, теряя совершенно всякую возможность веры.

То же я испытывал при праздновании главных праздников. Помнить день субботний, т. е. посвятить один день на обращение к Богу, мне было понятно.

Но главный праздник был воспоминание о событии воскресения, действительность которого я не мог себе представить и понять. И этим именем воскресенья назывался еженедельно празднуемый день. И в эти дни совершалось таинство евхаристии, которое было мне совершенно непонятно. Остальные все двенадцать праздников, кроме Рождества, были воспоминания о чудесах, о том, о чем я старался не думать, чтобы не отрицать: Вознесенье, Пятидесятница, Богоявление, Покров и т. д. При праздновании этих праздников, чувствуя, что приписывается важность тому самому, что для меня составляет самую обратную важность, я или придумывал успокаивавшие меня объяснения, или закрывал глаза, чтобы не видеть того, что соблазняет меня.

Сильнее всего это происходило со мною при участии в самых обычных таинствах, считаемых самыми важными: крещении и причастии. Тут не только я сталкивался с не то что

непонятными, но вполне понятными действиями: действия эти казались мне соблазнительными, и я был поставлен в дилемму -- или лгать, или отбросить.

Никогда не забуду мучительного чувства, испытанного мною в тот день, когда я причащался в первый раз после многих лет. Службы, исповедь, правила -- все это было мне понятно и производило во мне радостное сознание того, что смысл жизни открывается мне. Самое причастие я объяснял себе как действие, совершаемое в воспоминание Христа и означающее очищение от греха и полное восприятие учения Христа. Если это объяснение и было искусственно, то я не замечал его искусственности. Мне так радостно было, унижаясь и смиряясь перед духовником, простым робким священником, выворачивать всю грязь своей души, каясь в своих пороках, так радостно было сливаться мыслями с стремлениями отцов, писавших молитвы правил, так радостно было единение со всеми веровавшими и верующими, что я и не чувствовал искусственности моего объяснения. Но когда я подошел к царским дверям и священник заставил меня повторить то, что я верю, что то, что я буду глотать, есть истинное тело и кровь, меня резнуло по сердцу; это мало что фальшивая нота, это жестокое требование кого-то такого, который, очевидно, никогда и не знал, что такое вера.

Но я теперь позволяю себе говорить, что это было жестокое требование, тогда же я и не подумал этого, мне только было невыразимо больно. Я уже не был в том положении, в каком я был в молодости, думая, что все в жизни ясно; я пришел ведь к вере потому, что помимо веры я ничего, наверное ничего, не нашел, кроме гибели, поэтому откидывать эту веру нельзя было, и я покорился. И я нашел в своей душе чувство, которое помогло мне перенести это. Это было чувство самоунижения и смирения. Я смирился, проглотил эту кровь и тело без кощунственного чувства, с желанием поверить, но удар уже был нанесен. И зная вперед, что ожидает меня, я уже не мог идти в другой раз.

Я продолжал точно так же исполнять обряды церкви и все еще верил, что в том вероучении, которому я следовал, была истина, и со мною происходило то, что теперь мне ясно, но тогда казалось странным.

Слушал я разговор безграмотного мужика странника о Боге, о вере, о жизни, о спасении, и знание веры открылось мне. Сближался я с народом, слушая его суждения о жизни, о вере, и я все больше и больше понимал истину.

То же было со мной при чтении Четьи-Минеи и Прологов; это стало любимым моим чтением. Исключая чудеса, смотря на них как на фабулу, выражающую мысль, чтение это открывало мне смысл жизни. Там были жития Макария Великого, Иоасафа царевича (история Будды), там были слова Иоанна Златоуста, слова о путнике в колодеце, о монахе, нашедшем золото, о Петре мытаре; там история мучеников, всех заявлявших одно, что смерть не исключает жизни; там истории о спасшихся безграмотных, глупых и не знающих ничего об учениях церкви.

Но стоило мне сойтись с учеными верующими или взять их книги, как какое-то сомнение в себе, недовольство, озлобление спора возникали во мне, и я чувствовал, что я, чем больше вникаю в их речи, тем больше отдаляюсь от истины и иду к пропасти.

XV

Сколько раз я завидовал мужикам за их безграмотность и неученость. Из тех положений веры, из которых для меня выходили явные бессмыслицы, для них не выходило ничего ложного; они могли принимать их и могли верить в истину, в ту истину, в которую и я верил. Только для меня, несчастного, ясно было, что истина тончайшими нитями переплетена с ложью и что я не могу принять ее в таком виде.

Так я жил года три, и первое время, когда я, как оглашенный, только понемногу приобщался к истине, только руководимый чутьем шел туда, где мне казалось светлее, эти столкновения менее поражали меня. Когда я не понимал чего-нибудь, я говорил себе: "я виноват, я дурен". Но чем больше я стал проникаться теми истинами, которым я учился, чем более они становились основой жизни, тем тяжелее, разительнее стали эти столкновения и, тем резче

становилась та черта, которая есть между тем, чего я не понимаю, потому что не умею понимать, и тем, чего нельзя понять иначе, как солгав перед самим собою.

Несмотря на эти сомнения и страдания, я еще держался православия. Но явились вопросы жизни, которые надо было разрешить, и тут разрешение этих вопросов церковью -- противное самым основам той веры, которою я жил, -- окончательно заставило меня отречься от возможности общения с православием.

Вопросы эти были, во-первых, отношение церкви православной к другим церквям -- к католицизму и к так называемым раскольникам. В это время, вследствие моего интереса к вере, я сблизился с верующими разных исповеданий: католиками, протестантами, старообрядцами, молоканами и др. И много я встречал из них людей нравственно высоких и истинно верующих. Я желал быть братом этих людей. И что же? -- То учение, которое обещало мне соединить всех единою верою и любовью, это самое учение в лице своих лучших представителей сказало мне, что это все люди, находящиеся во лжи, что то, что дает им силу жизни, есть искушение дьявола, и что мы одни в обладании единой возможной истины. И я увидал, что всех, не исповедующих одинаково с ними веру, православные считают еретиками, точь-в-точь так же, как католики и другие считают православие еретичеством; я увидал, что ко всем, не исповедующим внешними символами и словами свою веру так же, как православие, -- православие, хотя и пытается скрыть это, относится враждебно, как оно и должно быть, во-первых, потому, что утверждение о том, что ты во лжи, а я в истине, есть самое жестокое слово, которое может сказать один человек другому, и, во-вторых, потому, что человек, любящий детей и братьев своих, не может не относиться враждебно к людям, желающим обратить его детей и братьев в веру ложную. И враждебность эта усиливается по мере большего знания вероучения. И мне, полагавшему истину в единении любви, невольно бросилось в глаза то, что самое вероучение разрушает то, что оно должно произвести.

Соблазн этот до такой степени очевиден, до такой степени нам, образованным людям, живавшим в странах, где исповедуются разные веры, и видавшим то презрительное, самоуверенное, непоколебимое отрицание, с которым относится католик к православному и протестанту, православный к католику и протестанту, и протестант к обоим, и такое же отношение старообрядца, пашковца, шекера и всех вер, что самая очевидность соблазна в первое время озадачивает. Говоришь себе: да не может же быть, чтобы это было так просто, и все-таки люди не видали бы того, что если два утверждения друг друга отрицают, то ни в том, ни в другом нет той единой истины, какою должна быть вера. Что-нибудь тут есть. Есть какое-нибудь объяснение, -- я и думал, что есть, и отыскивал это объяснение, и читал все, что мог, по этому предмету, и советовался со всеми, с кем мог. И не получал никакого объяснения, кроме того же самого, по которому сумские гусары считают, что первый полк в мире Сумский гусарский, а желтые уланы считают, что первый полк в мире -- это желтые уланы. Духовные лица всех разных исповеданий, лучшие представители из них, ничего не сказали мне, как только то, что они верят, что они в истине, а те в заблуждении, и что все, что они могут, это молиться о них. Я ездил к архимандритам, архиереям, старцам, схимникам и спрашивал, и никто никакой попытки не сделал объяснить мне этот соблазн. Один только из них разъяснил мне все, но разъяснил так, что я уж больше ни у кого не спрашивал.

Я говорил о том, что для всякого неверующего, обращающегося к вере (а подлежит этому обращению все наше молодое поколение), этот вопрос представляется первым: почему истина не в лютеранстве, не в католицизме, а в православии? Его учат в гимназии, и ему нельзя не знать, как этого не знает мужик, что протестант, католик так же точно утверждают единую истинность своей веры. Исторические доказательства, подгибаемые каждым исповеданием в свой сторону, недостаточны. Нельзя ли, -- говорил я, -- выше понимать учение, так, чтобы с высоты учения исчезали бы различия, как они исчезают для истинно верующего? Нельзя ли идти дальше по тому пути, по которому мы идем с старообрядцами? Они утверждали, что крест, аллилуйя и хождение вокруг алтаря у нас другие. Мы сказали: вы верите в Никейский символ, в семь таинств, и мы верим. Давайте же держаться этого, а в остальном делайте, как хотите. Мы соединились с ними

тем, что поставили существенное в вере выше несущественного. Теперь с католиками Нельзя ли сказать: вы верите в то-то и то-то, в главное, а по отношению к filioque (и Сына) и папе делайте, как хотите. Нельзя ли того же сказать и протестантам, соединившись с ними на главном? Собеседник мой согласился с моей мыслью, но сказал мне, что такие уступки произведут нарекания на духовную власть в том, что она отступает от веры предков, и произведут раскол, а призвание духовной власти -- блюсти во всей чистоте грекороссийскую православную веру, переданную ей от предков.

И я все понял. Я ищу веры, силы жизни, а они ищут наилучшего средства исполнения перед людьми известных человеческих обязанностей. И, исполняя эти человеческие дела, они и исполняют их по-человечески. Сколько бы ни говорили они о своем сожалении о заблудших братьях, о молитвах о них, возносимых у престола всевышнего, -- для исполнения человеческих дел нужно насилие, и оно всегда прилагалось, прилагается и будет прилагаться. Если два исповедания считают себя в истине, а друг друга во лжи, то, желая привлечь братьев к истине, они будут проповедывать свое учение. А если ложное учение проповедуется неопытным сынам церкви, находящейся в истине, то церковь эта не может не сжечь книги, не удалить человека, соблазняющего сынов ее. Что же делать с тем, горящим огнем ложной, по мнению православия, веры сектантом, который в самом важном деле жизни, в вере, соблазняет сынов церкви? Что же с ним делать, как не отрубить ему голову или не запереть его? При Алексее Михайловиче сжигали на костре, т. е. по времени прилагали высшую меру наказания; в наше время прилагают тоже высшую меру -- запирают в одиночное заключение. И я обратил внимание на то, что делается во имя вероисповедания, и ужаснулся, и уже почти совсем отрекся от православия. Второе отношение церкви к жизненным вопросам было отношение ее к войне и казням.

В это время случилась война в России. И русские стали во имя христианской любви убивать своих братьев. Не думать об этом нельзя было. Не видеть, что убийство есть зло, противное самым первым основам всякой веры, нельзя было. А вместе с тем в церквях молились об успехе нашего оружия, и учителя веры признавали это убийство делом, вытекающим из веры. И не только эти убийства на войне, но во время тех смут, которые последовали за войной, я видел членов церкви, учителей ее, монахов, схимников, которые одобряли убийство заблудших беспомощных юношей. И я обратил внимание на все то, что делается людьми, исповедующими христианство, и ужаснулся.

XVI

И я перестал сомневаться, а убедился вполне, что в том знании веры, к которому я присоединился, не все истина. Прежде я бы сказал, что все вероучение ложно; но теперь нельзя было этого сказать. Весь народ имел знание истины, это было несомненно, потому что иначе он бы не жил. Кроме того, это знание истины уже мне было доступно, я уже жил им и чувствовал всю его правду; но в этом же знании была и ложь. И в этом я не мог сомневаться.

И все то, что прежде отталкивало меня, теперь живо предстало передо мною.

Хотя я и видел то, что во всем народе меньше было той примеси оттолкнувшей меня лжи, чем в представителях церкви, -- я все-таки видел, что и в верованиях народа ложь примешана была к истине. Но откуда взялась ложь и откуда взялась истина? И ложь, и истина переданы тем, что называют церковью. И ложь, и истина заключаются в предании, в так называемом священном предании и писании.

И волей-неволей я приведен к изучению, исследованию этого писания и предания, -- исследованию, которого я так боялся до сих пор.

И я обратился к изучению того самого богословия, которое я когда-то с таким презрением откинул как ненужное. Тогда оно казалось мне рядом ненужных бессмыслиц, тогда со всех сторон окружали меня явления жизни, казавшиеся мне ясными и исполненными смысла; теперь же я бы и рад откинуть то, что не лезет в здоровую голову, но деваться некуда. На этом вероучении зиждется, или по крайней мере неразрывно связано с ним, то единое знание смысла жизни, которое открылось мне. Как ни кажется оно мне дико на мой старый твердый ум, это -- одна надежда

спасения. Надо осторожно, внимательно рассмотреть его, для того, чтобы понять его, даже и не то, что понять, как я понимаю положение науки. Я этого не ищу и не могу искать, зная особенность знания веры. Я не буду искать объяснения всего. Я знаю, что объяснение всего должно скрываться, как начало всего, в бесконечности. Но я хочу понять так, чтобы быть приведенным к неизбежно-необъяснимому; я хочу, чтобы все то, что необъяснимо, было таково не потому, что требования моего ума неправильны (они правильны, и вне их я ничего понять не могу), но потому, что я вижу пределы своего ума. Я хочу понять так, чтобы всякое необъяснимое положений представлялось мне как необходимость разума же, а не как обязательство поверить.

Что в учении есть истина, это мне несомненно; но несомненно и то, что в нем есть ложь, и я должен найти истину и ложь и отделить одно от другого. И вот я приступил к этому. Что я нашел в этом учении ложного, что я нашел истинного и к каким выводам я пришел, составляет следующие части сочинения, которое, если оно того стоит и нужно кому-нибудь, вероятно будет когда-нибудь и где-нибудь напечатано.

Это было написано мною три года тому назад. Теперь, пересматривая эту печатаемую часть и возвращаясь к тому ходу мысли и к тем чувствам, которые были во мне, когда я переживал ее, я на днях увидал сон. Сон этот выразил для меня в сжатом образе все то, что я пережил и описал, и потому думаю, что и для тех, которые поняли меня, описание этого сна освежит, уяснит и соберет в одно все то, что так длинно рассказано на этих страницах. Вот этот сон: Вижу я, что лежу на постели. И мне ни хорошо, ни дурно, я лежу на спине. Но я начинаю думать о том, хорошо ли мне лежать; и что-то, мне кажется, неловко ногам: коротко ли, неровно ли, но неловко что-то; я пошевеливаю ногами и вместе с тем начинаю обдумывать, как и на чем я лежу, чего мне до тех пор не приходило в голову. И наблюдая свою постель, я вижу, что лежу на плетеных веревочных помочах, прикрепленных к бочинам кровати. Ступни мои лежат на одной такой помочи, голени -- на другой, ногам неловко. Я почему-то знаю, что помочи эти можно передвигать. И движением ног отталкиваю крайнюю помочу под ногами. Мне кажется, что так будет покойнее. Но я оттолкнул ее слишком далеко, хочу захватить ее ногами, но с этим движеньем выскальзывает из-под голеней и другая помоча, и ноги мои свешиваются. Я делаю движение всем телом, чтобы справиться, вполне уверенный, что я сейчас устроюсь; но с этим движением выскальзывают и перемещаются подо мной еще и другие помочи, и я вижу, что дело совсем портится: весь низ моего тела спускается и висит, ноги не достают до земли. Я держусь только верхом спины, и мне становится не только неловко, но отчего-то жутко. -- Тут только я спрашиваю себя то, чего прежде мне и не приходило в голову. Я спрашиваю себя: где я и на чем я лежу?

И начинаю оглядываться и прежде всего гляжу вниз, туда, куда свисло мое тело, и куда, я чувствую, что должен упасть сейчас. Я гляжу вниз и не верю своим глазам. Не то что я на высоте, подобной высоте высочайшей башни или горы, а я на такой высоте, какую я не мог никогда вообразить себе.

Я не могу даже разобрать -- вижу ли я что-нибудь там, внизу, в той бездонной пропасти, над которой я вишу и куда меня тянет. Сердце сжимается, и я испытываю ужас. Смотреть туда ужасно. Если я буду смотреть туда, я чувствую, что я сейчас соскользну с последних помочей и погибну. Я не смотрю, но не смотреть еще хуже, потому что я думаю о том, что будет со мной сейчас, когда я сорвусь с последних помочей. И я чувствую, что от ужаса я теряю последнюю державу и медленно скольжу по спине ниже и ниже. Еще мгновение, и я оторвусь. И тогда приходит мне мысль: не может это быть правда. Это сон. Проснись. Я пытаюсь проснуться и не могу. Что же делать, что же делать? -- спрашиваю я себя и взглядываю вверх. Вверху тоже бездна. Я смотрю в эту бездну неба и стараюсь забыть о бездне внизу, и, действительно, я забываю. Бесконечность внизу отталкивает и ужасает меня; бесконечность вверху притягивает и утверждает меня. Я так же вишу на последних, не выскочивших еще из-под меня помочах над пропастью; я знаю, что я вишу, но я смотрю только вверх, и страх мой проходит. Как это бывает во сне, какой-то голос говорит: "Заметь это, это оно!" и я гляжу все дальше и дальше в бесконечность вверху и чувствую, что я успокаиваюсь, помню все, что было, и вспоминаю, как это все случилось: как я

шевелил ногами, как я повис, как я ужаснулся и как спасся от ужаса тем, что стал глядеть вверх. И я спрашиваю себя: ну, а теперь что же, я вишу все так же? И я не столько оглядываюсь, сколько всем телом своим испытываю ту точку опоры, на которой я держусь. И вижу, что я уж не вишу и не падаю, а держусь крепко. Я спрашиваю себя, как я держусь, ощупываюсь, оглядываюсь и вижу, что подо мной, под серединой моего тела, одна помоча, и что, глядя вверх, я лежу на ней в самом устойчивом равновесии, что она одна и держала прежде. И тут, как это бывает во сне, мне представляется тот механизм, посредством которого я держусь, очень естественным, понятным и несомненным, несмотря на то, что наяву этот механизм не имеет никакого смысла. Я во сне даже удивляюсь, как я не понимал этого раньше. Оказывается, что в головах у меня стоит столб, и твердость этого столба не подлежит никакому сомнению, несмотря на то, что стоять этому тонкому столбу не на чем. Потом от столба проведена петля как-то очень хитро и вместе просто, и если лежишь на этой петле серединой тела и смотришь вверх, то даже и вопроса не может быть о падении. Все это мне было ясно, и я был рад и спокоен. И как будто кто-то мне говорит: смотри же, запомни. И я проснулся.

Г.Галаган. Комментарии к "Исповеди" Л.Н.Толстого

----- Date: 15-18 февраля 1998 Изд:

Л.Н.Толстой. Исповедь. В чём моя вера?

Л., "Художественная литература", Ленинградское отделение, 1991 Набор: Адаменко Виталий -----

КОММЕНТАРИИ

Условные сокращения

ПСС - Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., 1928-1958.

РМ - "Русская мысль", научный, политический и литературный журнал, изд. в Москве ежемесячно с 1880 по 1918 г.

Исповедь. Была написана Толстым в основном в конце 1879 г., переработана - к началу июля 1881 г., завершающий её раздел относится к 1882 г.

Первая публикация "Исповеди" состоялась в журнале "Русская мысль" (1882, No 5) под заглавием "Вступление к ненапечатанному сочинению", с эпиграфом: "Немощного к вере принимайте без споров о мнениях (Ап<остол> Пав<ел>).

Посл<ание> к Рим<лянам>, 14: 1" и предисловием редактора журнала С.А.Юрьева.

Но журнал вышел в свет без трактата Толстого: духовная цензура запретила издание "Исповеди"; текст трактата был вырезан почти из всего тиража журнала и отправлен в главное управление по делам печати; читающая Россия познакомилась с "Исповедью" по копиям с её корректурных оттисков.

Под названием "Исповедь (Вступление к ненапечатанному сочинению)" трактат появился в первом отдельном издании: Женева, 1884. С мая 1885 г. это название употребляется и самим Толстым (см.: ПСС. Т.63. С.242). В России первое полное издание трактата "Исповедь" состоялось в 1906 г. ("Всемирный вестник" (No 1)).

В тексте трактата сохраняется толстовская система отсылок к Евангелию; толстовский перевод с греческого части извлечений из Евангелия специально не оговаривается.

Заглавие "Исповедь" автобиографический трактат Толстого получил не сразу.

Выделившийся из одной главы обширного изложения религиозно-философских воззрений, к которому Толстой приступил в октябре 1879 г., трактат был назван "Вступление к ненапечатанному сочинению". Это "Вступление..." должно было предварить знакомство читателя с работами "Исследование догматического богословия" и "Соединение и перевод четырёх Евангелий".

"Исповедь" Толстого не укладывается в рамки устоявшихся канонов жанра.

Как, впрочем, не укладывалась (в своё время и по-своему) в эти рамки и "Исповедь" Августина Блаженного (*). И так же, как эта последняя, отличается ярчайшим проявлением личности автора.

(* См.: Питирим, архиепископ Волоколамский. О Блаженном Августине // Богословские труды. 1976. Сб.15. С.3-24. *)

Вопрос о смысле жизни, не уничтожаемом неизбежностью смерти, становится для Толстого важнейшим задолго до создания трактата. Русло поисков ответа на этот вопрос естественно обуславливалось идеей единения людей (стержневой в наследии писателя) и опорой Толстого на вечные начала нравственности: на первый план выдвигается проблема расхождения между идеалом нравственности и практической этикой людей.

Историческая ретроспектива этой проблемы уходила в далёкие века. Её решение - и философской, и художественной мыслью разных времён и народов - связывалось всегда с исследованием существующих представлений о добродетели, поскольку именно ими определялись не только пути к общему благу, но и само его осмысление.

Понимание добродетели исторически менялось. Четырём основным добродетелям древнегреческих этических концепций - мудрости, мужеству, справедливости и умеренности - христианская этика противопоставила веру, надежду, любовь, обуславливающие сущность всех остальных устремлений к добру. Тем не менее с понятием добродетель и в древнем, и в новом мире неизменно связывались положительные нравственные качества личности. Столь же неизменной оставалась и проблема извращённых представлений о добродетели, внешне противостоящих пороку, но внутренне тождественных ему. Длительная традиция исключительно пристального внимания к этой проблеме была Толстому, разумеется, хорошо известна (Сократ, Монтень, Руссо, Гоголь и т.д.).

Извращение представлений о добродетели связывалось Толстым с той социальной общностью людей, которая именовалась им сословием образованным; бытие истинной добродетели - с миром крестьянским, с русским трудовым народом.

Эта социально-нравственная антитеза, оформившаяся в начале творческого пути Толстого, и предопределила собою последующее уяснение писателем источников духовного самосозидания и осмысления им "истинного" христианства как гуманистического учения, общечеловеческого по своей нравственной первооснове.

Устранение расхождений между существующим и должным Толстой ставил (с начал творческого пути) в прямую зависимость от внутреннего усилия личности и тем самым утверждал нравственное совершенствование в качестве главного начала в движении от зла к добру. В 1891 г., возвращаясь к этой проблеме, Толстой писал: "Свободы не может быть в конечном, свобода только в бесконечном. Есть в человеке бесконечное - он свободен, нет - он вещь. В процессе движения духа совершенствование есть бесконечно малое движение - оно-то и свободно, - и оно-то бесконечно велико по своим последствиям, потому что не умирает" (ПСС. Т.52. С.12).

Идея "подвижности личности" по отношению к истине обуславливала веру писателя в возможность преодоления извращённых представлений о добродетели.

А самый процесс этого преодоления (не только в его этапных стадиях, но и движении внутростадиальном) рассматривался им как изменение жизнепонимания человека (*), его отношения к миру.

(* О толстовской концепции жизнепониманий см.: Галаган Г.Я. Л.Н.Толстой.

Художественно-этические искания. Л., 1981. С.126-164. *)

Путь к новому жизнепониманию показан в "Исповеди" как ряд сменяющих друг друга состояний, завершающихся обретением веры (1*). Вера определяется Толстым как сила жизни, как знание её смысла. Период, который предшествует её обретению, в духовном отношении неоднозначен. Исходное состояние этого периода покоится на признании всего существующего разумным, управляется соблазнами (то есть подобием добра) (2*), мотивируется желанием извращённо понимаемого общего блага и оправдывается общепринятым мнением. Начиная с 1860-х гг., это мнение Толстой последовательно называет "царствующим", "так называемым", "извращённым" и "лжехристианским" (ПСС. Т.13. С.205; Т.17.

С.360; Т.28. С.202;). В тексте "Исповеди" с этим начальным периодом связаны "выходы" эпикурейства и неведения. В трактате "О жизни" он определяется как период "непробудившегося сознания" (ПСС. Т.26. С.344).

(1* О понятии "вера" в творческом сознании Толстого см.: Купреянова Е.Н.

Эстетика Л.Н.Толстого. М.; Л., 1966. С.242-272. *) (2* В трактате "Христианское учение" (1894-1896) Толстой писал: "Соблазн... означает западню, ловушку. И действительно, соблазн есть ловушка, в которую заманивается человек подобием добра и, попав в неё, погибает в ней. Поэтому и сказано в Евангелии, что соблазны должны войти в мир, но горе миру от соблазнов и горе тому, чрез кого они входят" (ПСС.

Т.39. С.143). *)

Состояние, к описанию которого писатель переходит далее, начинается с возмущений не разума, а сердца, ощущения духовной болезни и рождения внутренних противоречий. Отсюда - резкое ослабление власти соблазнов.

Движение на этом отрезке пути сопровождается "остановками" жизни, чередованием "оживлений" и "умираний", раздвоенностью. Кризисная остановка, связанная с отрицанием жизни, объясняется в "Исповеди" признанием неразумности всего существующего, утверждением в тщете соблазнов и осмыслением жизни как обмана, зла и бессмыслицы. Именно на этой стадии и происходит осмысление уже отвергнутого жизнепонимания (или "подобия жизни") и символическое уподобление его соблазну "сладости". В тексте "Исповеди" с этим периодом движения личности от одного жизнепонимания к другому (в варианте трагического исхода этого движения) связан выход силы и энергии.

Сознание трудностей не только перехода от одного жизнепонимания к другому, но и поступательного движения внутри каждого из них и обусловило сосредоточенность Толстого (и художника, и публициста) в 60-70-е годы на исследовании той стадии духовной эволюции человека, которая предшествует обретению веры.

Жанр исповеди не явился в творческом движении Толстого чем-то неожиданным.

Неодолимую потребность в самоанализе и исповеди он испытывал всегда. И то и другое - в его дневнике, который вёлся (с незначительными перерывами) на протяжении шестидесяти лет, в письмах, в незавершённых философских набросках 1860-1870-х гг. Наконец - во всём его художественном творчестве.

"Исповедь" Толстого стоит в одном духовно-психологическом ряду с "Исповедями" Августина Блаженного и Руссо.

...к ненапечатанному сочинению... - Имеются в виду религиознофилософский трактат "Исследование догматического богословия" (1879-1880, 1884) и работа "Соединение и перевод четырёх Евангелий" (1880-1881). В первой редакции "Заключения" к "Исповеди" (1882) Толстой писал: "Это было написано мною три года тому назад. После этого я написал исследование догматического христианского богословия и изложение христианского учения, как я его понимаю. Эти части ненапечатанного сочинения, если они кому-нибудь нужны, будут напечатаны когда-нибудь, когда это будет возможно" (Государственный музей Л.Н.Толстого. А. П. Оп. 10. С.1). "Исследование догматического богословия" было впервые опубликовано под заглавием "Критика догматического богословия" М.К.Элпидиным в Женеве: первая часть в 1891 г., вторая - в 1896 г. В России этот трактат вышел лишь в 1908 г. Книга "Соединение и перевод четырёх Евангелий" была издана впервые также Элпидиным в Женеве: первый том - в 1892 г., второй - в 1893 г., третий - в 1894 г. (издание вышло со множеством опечаток). В России эта книга (без последней, заключительной главы) была опубликована лишь в 1906 г. в приложении к журналу "Всемирный вестник". В том же году книга была полностью издана Е.В.Герциком.

...18-ти лет... университета. - В 1844 г. Толстой поступил на Восточный факультет Казанского университета. Через год - перешёл на юридический факультет. Из университета вышел в 1847 г.

Володенька М. - Речь идёт о Владимире Алексеевиче Милютине (1826- 1855), впоследствии - профессоре государственного, а затем - полицейского права в Петербургском университете, брате военного министра Д.А.Милютин. Дружеские отношения между братьями Толстыми и Милютиными установились во время пребывания семьи Толстых в Москве, в 1837-1841 гг., когда у детей был общий учитель французского языка и латыни - Сен-Тома (см.: Русская литература).

1969. № 1. С.117-118). Исследовательскую деятельность В.А.Милютин начал, ещё будучи студентом, и сразу заявил о себе как о талантливом литераторе и учёном. Печатался, в частности, в "Отечественных записках", "Современнике".

На двадцать девятом году жизни В.А.Милютин (вследствие личных причин) покончил с собой.

...это было в 1838 г.... - Описанный Толстым случай произошёл в 1839 г.

...старшие братья... - У Толстого было три старших брата - Николай (1823-1860), Сергей (1826-1904) и Дмитрий (1827-1856).

...прозвали почему-то Ноем. - Ной - в преданиях иудаизма и христианства герой повествования о всемирном потопе, спасённый праведник и строитель ковчега; спаситель мира зверей и птиц, через своих сыновей родоначальник всего послепотопного человечества (см.: Бытие, 5: 29, 6: 9-19).

Мусин-Пушкин. - Речь идёт о Михаиле Николаевиче Мусине-Пушкине (1795-1862), попечителе Казанского учебного округа в 1829-1845 гг., впоследствии, с 1845 г. - попечителе С.-Петербургского учебного округа, с 1849 г. - сенаторе.

...Давид плясал перед ковчегом. - Давид - царь Израильско-Иудейского государства (X в. до н.э.); ветхозаветное повествование о котором (Первая книга Царств, 16; Третья книга Царств, 2, 11; Первая книга Паралипоменон, 10-29) придало ему черты эпического героя, царя-воителя. Согласно ветхозаветному преданию, Давид в юности был пастухом, искусным поэтом и музыкантом; по одной из версий, он успокаивал царя Саула игрой на гуслях.

Ковчег Завета, о котором идёт речь, - ковчег откровения; в нём хранились скрижали или десятословие, данное Богом и служившее выражением его воли, Заветом между Богом и народом израильским. Став царём и завоевав Иерусалим, Давид перенёс туда свою резиденцию и Ковчег Завета. О плясках Давида перед Ковчегом во время перевозки последнего в Иерусалим см.: Вторая книга Царств, 6: 16, 21.

...читал Вольтера... веселили меня. - Вольтер (наст. имя - Франсуа Мари Аруэ; 1694-1778) - французский писатель, философ, историк. Против официальной церкви направлены очень многие его сочинения ("Эдип", "Фанатизм, или Магомет-пророк", "Заира", "Генриада", "Век Людовика XIV", "Опыт о нравах и духе народов" и др.). Одну из едких насмешек Вольтера над церковными догматами Толстой вспоминает в работе "Что такое религия и в чём сущность её?" (1901-1902). В своём осмыслении "ополчения" философии XVIII века на церковь и духовенство Толстой был близок к точке зрения известного французского историка А.Токвиля. В работе "Старый порядок и революция", прочтённой Толстым в 1856 г., Токвиль, в частности, писал: "Философия XVIII века <...> была проникнута безверием. Но в ней необходимо тщательно различать две совершенно разнородные и независимые части <...> Философы XVIII века принялись с какою-то яростью на церковь <...> Христианство зажгло эту страстную ненависть к себе не столько в качестве религиозной доктрины, сколько в качестве политического учреждения" (Старый порядок и революция).

СПб., 1860. С.14-15).

...учат катехизису... - Катехизис (греч.; буквально - устное наставление, оглашение) - книга, содержащая краткое изложение христианского вероучения, обычно в форме ответов и вопросов, предназначенная для начального религиозного обучения верующих.

...в бытии у причастия. - Причащение - главнейшее из христианских таинств.

К причастию в православной церкви допускаются все её члены, после должного приготовления исповедью и покаянием.

...рассказывал С.... - брат Толстого Сергей Николаевич. "Старший брат", упоминаемый далее, - Н.Н.Толстой. Точные слова, сказанные старшим братом, были: "А ты ещё всё делаешь этот намаз?" (ПСС. Т.23. С.489).

...вера моя... я считал совершенствованием. - Значимость проблемы нравственного самосовершенствования для молодого Толстого засвидетельствована его дневником, начатым в 1847 г. (и с 1850 г. ведшимся систематически до конца жизни), философскими набросками, "Журналом ежедневных занятий" и многочисленными "Правилами": для развития воли (телесной и чувственной), для подчинения воле чувств самолюбия и корыстолюбия, для развития деятельности (умственной и чувственной), для развития способности "приводить выводы в порядок" и т.д., и т.д. (см.: ПСС.

Т.1. С.245-249; Т.46). В центре внимания молодого Толстого - проблема всестороннего развития человека, который бы способствовал всестороннему развитию человечества (см.: Бурсов Б.И. Лев Толстой: Идеиные искания и творческий метод. 1847-1862. М., 1960).

Добрая тётушка моя... - Имеется в виду Татьяна Александровна Ергольская (1792-1874). Отмечая её благотворное влияние, Толстой писал в посвящённой Т.А.Ергольской главе "Воспоминаний": "Она научила меня духовному наслаждению любви" (ПСС. Т.34. С.366).

Я убивал людей на войне... - Толстой участвовал в военных действиях на Кавказе в 1851-1853 гг., в 1854 г. служил в Дунайской армии, с ноября 1854 г. по август 1855 г. защищал осаждённый Севастополь.

...вызывал на дуэли... - Известны два таких случая. Первый - вызов на дуэль 19 марта 1856 г. М.Н.Лонгинова, в то время сотрудника "Современника", позднее - начальника Главного управления по делам печати. Толстой был оскорблён содержанием письма Лонгинова к Н.А.Некрасову, в котором выражалось сомнение в свободомыслии Толстого. Некрасов показал ему письмо, не прочтя его. Инцидент был улажен Некрасовым (см.: ПСС. Т.60. С.75-76). Второй раз на дуэль был вызван И.С.Тургенев после ссоры Толстого с ним в имении А.А.Фета (27 мая 1861 г.): на критическое замечание Толстого, связанное с воспитанием дочери Тургенева, реакция последнего была неадекватно несдержанной. Дуэль не состоялась (см.: Там же. С.391-395).

...проигрывал в карты... которого бы я не совершал... - Здесь и ниже - пристрастно-самокритичные оценки Толстым малейших отступлений от нравственного идеала. Аналогичное отношение к собственным слабостям на пути совершенствования зафиксировано в раннем дневнике писателя, где с целенаправленным вниманием к собственным отступлениям от идеала связывается результативность движения на пути самосовершенствования. Такое восприятие негативных сторон поступков совершенствующей себя личностью находилось в русле общемировой духовной традиции, Толстому известной (Руссо, Жан де Лабрюйер, В.Франклин, К.Цшокке и т.д.).

В это время... смысл моей жизни. - Это суждение во многом предваряет тот своеобразный обвинительный приговор нерезультативности (в максимальном смысле) воздействия культуры на нравственный мир человека, который был вынесен Толстым в трактате "Что такое искусство?" (1898). Размышляя о задачах искусства ещё до завершения повести "Детство", Толстой отмечал в одном из философских набросков 1851 г.: "Для чего пишут люди? Для того чтобы приобрести кто денег, а кто славы, а кто и то и другое; некоторые же говорят, что для того, чтобы учить добродетели людей <...> Единственный способ, чтобы быть счастливым, есть добродетель, следовательно благоразумно только читать <...> те книги, которые учат добродетели" (ПСС. Т.1. С.246).

Первое опубликованное произведение Толстого - повесть "Детство"; она появилась в № 9 "Современника" за 1852 г.

Двадцати шести лет я приехал после войны в Петербург... - Толстой приехал в Петербург 19 ноября 1855 г., после Крымской войны, в возрасте двадцати семи лет.

...я стал замечать... друг против друга. - Имеются в виду, в частности, разногласия между революционно-демократическим крылом журнала "Современник»

(Некрасов, Чернышевский) и так называемым "бесценным триумvirатом", писателями В.П.Боткиным, А.В.Дружининым, П.В.Анненковым, сторонниками "чистого искусства" (см.: Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Кн. первая. 50-е годы.

Л., 1928. С.220-235).

...всё, что существует, то разумно. - Осмысление личностью этого философского положения (в истоках своих восходящего к Гегелю - см.

предисловие к "Философии права", 1821) ложится в основание толстовской концепции жизнепониманий, получившей наиболее полное логическое освещение в трактате "Царство Божие внутри вас" (1893) и статье "Религия и нравственность" (1893). Признание этого положения, опора на него, объединяет, по мысли Толстого, два низших жизнепонимания - личное (или животное) и общественное (или языческое). Первое из них преследует цель удовлетворения воли отдельной личности, второе - воли избранной совокупности людей. Высшее (или божеское, всемирное) жизнепонимание покоится, по Толстому, на убеждении в неразумности и несовершенстве всего существующего и одновременном утверждении неизбежности движения от неразумности к разумности. Цель этого жизнепонимания - исполнение нравственного закона, вложенного в душу каждого человека. "Двигатель" жизни - бескорыстная любовь.

...до моей женитьбы. - До 23 сентября 1862 г., когда Толстой женился на Софье Андреевне Берс.

...я поехал за границу. - Первая заграничная поездка Толстого состоялась в 1857 г. Он выехал из Москвы 29 января и вернулся в Петербург 30 июля. Во время поездки посетил Францию, Швейцарию, Германию.

Только изредка... в наше время суеверия... - Наиболее ярко это "возмущение" чувства проявилось в этот период в рассказе "Люцерн" (1857).

...вид смертной казни... а я своим сердцем. - 25 марта (6 апреля) 1857 г.

в Париже Толстой присутствовал при гильотинировании убийцы. Вечером в толстовском дневнике появилась запись: "Больной встал в 7 час<ов> и поехал смотреть экзекуцию. Толстая, белая, здоровая шея и грудь. Целовал Евангелие и потом - смерть, что за бессмыслица! - Сильное и недаром прошедшее впечатление. Я не политический человек. Мораль и искусство. Я знаю, люблю и могу... Гильотина долго не давала спать и заставляла оглядываться" (ПСС.

Т.47. С.121-122). О впечатлении, произведённом на него "видом" смертной казни, Толстой в тот же день писал В.П.Боткину (см.: ПСС. Т.60. С.167-169); позднее - в трактате "Так что же нам делать?" (1882-1886): "Тридцать лет тому назад я видел в Париже, как в присутствии тысячи зрителей отрубили голову человеку гильотиной. Я знал, что человек этот был ужасный злодей; я знал все те рассуждения, которые столько веков пишут люди, чтобы оправдать такого рода поступки <...>, но в тот момент, когда голова и тело разделились и упали в ящик, я ахнул и понял не умом, не сердцем, а всем существом моим, что все рассуждения, которые я слышал о смертной казни, есть злая чепуха, что сколько бы людей не собралось вместе, чтобы совершить убийство, как бы они себя ни называли, убийство худший грех в мире" (ПСС. Т.25. С.190).

...смерть моего брата. - Николай Николаевич Толстой скончался 20 сентября 1860 г. в Гиере от туберкулёза. Л.Толстой писал в "Воспоминаниях": "Он был удивительный мальчик и потом удивительный человек. Тургенев говорил про него очень верно, что он не имел только тех недостатков, которые нужны для того, чтобы быть писателем. Он не имел главного нужного для этого недостатка: у него не было тщеславия, ему совершенно не интересно было, что о нём думают люди. Качества же писателя, которые у него были, было прежде всего тонкое художественное чутьё, крайнее чувство меры, добродушный, весёлый юмор, необыкновенное, неистощимое воображение и правдивое, высоконравственное мировоззрение, и всё это без малейшего самодовольства" (ПСС. Т.34. С.386).

Потрясённый смертью брата, Толстой писал в дневнике 13 октября 1860 г.: "Скоро месяц, что Николенька умер. Страшно оторвало меня от жизни это событие... Николенькина смерть - самое сильное впечатление в моей жизни»

(ПСС. Т.48. С.29-30).

...занятие крестьянскими школами... они хотят. - Толстой занимался педагогической деятельностью в течении 1859-1862 гг. Первая его попытка организовать школу для крестьянских детей относится, однако, ещё к 1849 г.

Решение крестьянского вопроса рассматривалось Толстым как составная часть проблемы совершенства человеческой личности. Толстой стремился не только приобщить крестьянских детей к общечеловеческой культуре, но хотел увидеть в их общении между собой и учителем те чисто человеческие отношения, которые, по его мысли, должны породить общность духовного мира людей разных социальных положений. Основным принципом педагогической системы Толстого было отсутствие всякого принуждения по отношению к учащимся со стороны учителя (см.: Бурсов Б.И. Лев Толстой: Идеиные искания и творческий метод.

С.305-335).

...я другой раз поехал за границу... - Вторично Толстой выехал за границу 2 июля 1860 г., вернулся - 12 апреля 1861 г., побывав в Германии, Франции, Англии, Бельгии.

...заняв место посредника... - Толстой был назначен мировым посредником 4-го участка Крапивенского уезда Тульской губернии 16 мая 1861 г. Институт мировых посредников был введён после отмены крепостного права для разрешения спорных вопросов между помещиками и крестьянами. Исполняя посреднические обязанности, Толстой всегда вставал на сторону крестьян, чем вызвал озлобление всего крапивенского дворянства.

...стал учить... начал издавать. - В 1862 г. Толстой издавал журнал под названием "Ясная Поляна. Школа. Журнал педагогический" (№ 1-12). Толстой опубликовал в нём одиннадцать статей. В центре его внимания были прежде всего две проблемы: постановка дела народного образования в разных странах и в разные эпохи; методы обучения в Яснополянской школе (см.: Купреянова Е.Н.

Публицистика Л.Н.Толстого начала 60-х гг. (Педагогические статьи) / Яснополянский сборник. Тула, 1955. С.85-125).

...поехал в степь к башкирам... - Речь идёт о поездке в Самарскую губернию на кумыс. Толстой выехал 14 мая 1862 г., вернулся - 31 июля. Около двух месяцев он жил в башкирском кочевье на Каралыке в Николаевском уезде Самарской губернии (см.: Морозов В.С. Воспоминания о Л.Н.Толстом ученика Яснополянской школы. М., 1917. С.89-123).

Так я жил... Зачем? ну а потом? - Первый мучительный приступ тоски был пережит Толстым вскоре после окончания "Войны и мира", в сентябре 1869 г., по дороге в Пензенскую губернию и описан впоследствии в рассказе "Записки сумасшедшего" (1884-1886). Мотивы "Исповеди" ясно ощутимы в дневнике Толстого 1870-х гг. Так, к февралю 1874 г. относится следующая дневниковая запись: "Проживя под 50 лет, я убедился, что земная жизнь ничего не даёт, и тот умный человек, который взглянет в земную жизнь серьёзно, труды, страх, упреки, борьба - зачем? - ради сумасшествия, тот сейчас застрелится, и Гартман и Шопенгауэр прав. Но Шопенгауэр давал чувствовать, что есть что-то, отчего он не застрелился. Вот это что-то есть задача моей книги. Чем мы живём?" (ПСС. Т.48. С.347). Психологически этапным в движении к "Исповеди»

является письмо Толстого к Н.Н.Страхову от 30 ноября 1875 г., где стягиваются в единый узел ряд важнейших проблем будущего "Вступления к ненапечатанному сочинению": "Я вам посылаю то, что я написал вроде предисловия к задуманному мною философскому сочинению. Вы увидите из этого, что из 3-х вопросов Канта [1. Что могу я знать? 2. Что должен я делать? 3.

На что я имею право надеяться? - в "Критике чистого разума". - ред.] меня <...> занимает только, и с детства занимал, один последний вопрос - на что мы можем надеяться? <...> Для всякого мыслящего человека все три вопроса нераздельно связаны в один - что такое моя жизнь,

что я такое? Но каждому человеку инстинкт предчувствия, опыт ума - что хотите - указывает на то, какой из этих трёх замков этих дверей легче отпирается, для какого у него есть ключ, или, может быть, к какой из дверей он приткнут жизнью; но несомненно то, что достаточно отворить одну из дверей, чтобы проникнуть в то, что заключается за всеми <...> Я знаю, что это очень дерзко и может показаться странным и легкомысленным - отвечать на такой вопрос на 2-х почтовых листиках бумаги, но я имею причины, по которым считаю, что не только могу, но должен это сделать. И сделал бы это, если бы я писал не письмо вам, близкому человеку, но если бы я писал свою profession de foi, зная, что меня слушает всё человечество. Вот какие это причины..." (Там же.

Т.62. С.219-220). Мотивы "Исповеди" внутренне организуют и ряд философских набросков Толстого середины 1870-х гг. - "О будущей жизни вне времени и пространства" (1875), "О душе и жизни её..." (1875), "О значении христианской религии" (1875-1876), "Определение религии - веры" (1875-1876), "Христианский катехизис" (1877).

Жизнь моя остановилась... Если бы пришла волшебница... настоящей смерти - полного уничтожения. - ср. в письме к Н.Н.Страхову от 30 ноября 1875 г.: "Мне 47 лет <...> Я чувствую, что для меня наступила старость. Я называю старостью то внутреннее, душевное состояние, при котором все внешние явления мира потеряли для меня свой интерес <...> Если бы пришла волшебница и спросила у меня, чего я хочу, я бы не мог выразить не одного желания. Если и есть у меня желания, как например: вывести ту породу лошадей, которых я мечтаю вывести, затравить 10 лисиц в одно поле и т.п., огромного успеха своей книге, приобрести миллион состояния, выучиться по-арабски и монгольски и т.п., то я знаю, что это - желания не настоящие, не постоянные, но что это только остатки привычек желаний и появляющиеся в дурные минуты моего душевного состояния. В те минуты, когда я имею эти желания, внутренний голос говорит уже мне, что желания эти не удовлетворят меня. Итак, я дожил до старости, до такого внутреннего душевного состояния <...>, в котором нет желаний и впереди себя не видишь ничего, кроме смерти" (Там же. Т.62.

С.226).

...жизнь моя есть... глупая и злая шутка. - Перефразировка заключительных строк стихотворения М.Ю.Лермонтова "И скучно и грустно..." (1840):

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, - Такая пустая и глупая шутка...

Ср. в письме Н.Н.Страхову от 30 ноября 1875 г.: "...первое испытанное мною чувство, когда я вступал в старость, было недоумение, потом ужас, тяжёлое чувство отчаяния и в том, что бойкая фраза поэта не есть фраза, а что действительно жизнь есть пустая и глупая шутка, которую кто-то подшутил над нами" (ПСС. Т.62. С.227). Ср. в письме к А.А.Фету от 10-15 октября 1880 г.: "Как же мне не любить, не верить и не следовать тому свету, при котором <...> то, вследствие чего весь мир живых людей является не какой-то злой шуткой кого-то, а той средой, в которой осуществляется вместе и разумение, и высшее благо. Такой свет мне даёт Евангелие" (Там же. Т.63. С.29). Мотив уподобления жизни глупой шутке, разыгранной чужою волей, присутствует уже в черновой разработке монолога Андрея Болконского в канун Бородинского сражения в "Войне и мире" (1863-1869): "Глупо, когда не понимаешь, мерзко, когда понимаешь всю эту шутку" (Там же. Т.14. С.105).

...придут болезни, смерть (и приходили уже) на любимых людей... - Ко времени написания "Исповеди" Толстой пережил смерть отца, Николая Ильича (1794-1837); бабушки, Пелагеи Николаевны Толстой (1762-1838); тётюшек Александры Ильиничны Остен-Сакен (1797-1841), Татьяны Александровны Ергольской (1792-1874) и Пелагеи Ильиничны Юшковой (1801-1875); братьев Дмитрия и Николая; зятя Валериана Петровича Толстого (1813-1865); сыновей - Петра (1872-1873) и Николая (1874-1875).

Давно уже рассказана восточная басня... - Притча о путнике входит в состав санскритского сборника повестей, басен и назидательных сентенций, известного под названием "Панчатантры" (Пятикнижия), относящегося предположительно к периоду между II в. до н.э. и VI в. В VI в. сборник был переведён на сирийский, позднее - на арабский язык. Арабский перевод послужил источником для распространения притчи с Востока на Запад (см.: Буслаев Ф.И. Перехожие повести

// Мои досуги. М., 1886. Т.2). Под заглавием "Притча святого Варлаама о временном сем весте" она была помещена в "Прологе" - под 19 ноября. Эта притча была широко известна и в стихотворном переложении В.А.Жуковского ("Две повести. Подарок на Новый год издателю "Москвитянина", 1844).

И я пытаюсь сосать тот мёд... - На "сцеплении" реального ощущения "зла и бессмыслицы" жизни и условно-символического уподобления её физиологической потребности в "сладоности" покоится художественное решение предсмертного внутреннего монолога Анны Карениной. Один из ведущих мотивов её монолога: "Всё неправда, всё ложь, всё обман, всё зло" (ПСС. Т.19. С.347). Второй - "Всем нам хочется сладкого, вкусного" (Там же. С.340). Соблазн "сладоности"

осознаётся как символ всеобщего смысла жизни, ведущей к человеческому разьединению.

Ужас тьмы... - здесь: ужас смерти.

Метафизика - (греч., буквально - после физики) - наука о сверхчувственных принципах и началах бытия.

...человечество идёт к высшему благу... в чём состоят идеалы человечества... - В "Опытах" Монтеня, с которыми Толстой, познакомившись в 1860 г., не расставался до конца жизни, отмечалось, например (с прямой отсылкой на труд Цицерона "О высшем благе и высшем зле"): "Философы ни о чём не спорят так страстно и так ожесточённо, как по поводу того, в чём состоит высшее благо человека; по подсчётам Варрона существовало двести восемьдесят восемь школ, занимавшихся этим вопросом <...> Одни говорят, что наше высшее благо состоит в добродетели; другие - что в наслаждении, третьи - в следовании природе; кто находит его в науке, кто - в отсутствии страданий, а кто в том, чтобы не поддаваться видимостям..." (Монтень М. Опыты. М., 1979.

Кн.2. С.510). Самим Толстым высшее благо мыслилось как единение людей.

...это таинственное человечество... - Ещё в 1865 г. в наброске "О религии"

Толстой писал: "Человечество есть одно из тех понятий, которые мы можем себе только выразить, но владеть которым мы не можем: человечество есть ничто, и потому-то, как скоро в наших мысленных формулах мы введём понятие человечества, мы точно так же, как в математике, введя бесконечно малое и великое, получаем произвольные и ложные выводы" (ПСС. Т.7. С.126).

Специальное внимание этой проблеме Толстой уделяет в трактате "Царство Божие внутри вас": "Есть государство, народ, есть отвлечённое понятие: человек, но человечества, как реального понятия, нет и не может быть <...> Где предел человечества? Где оно кончается или начинается? Кончается ли человечество дикарём, идиотом, алкоголиком, сумасшедшим включительно <...> Любовь к человечеству, логически вытекая из любви к личности, не имеет смысла, потому что человечество - фикция" (ПСС. Т.28. С.83, 296). Ср. близкие к этому суждению высказывания А.И.Герцена в главе "Роберт Оуэн" шестой главы "Былого и дум": "Слово "человечество" препротивное: оно не выражает ничего определённого <...> Какое единство разумеется под словом "человечество"?

Разве то, которое мы понимаем под всяким суммовым названием, вроде икры и т.п." (Герцен А.И. Собр. Соч. М., 1957. Т.11. С.251; см. также: М., 1955.

Т.6. С.84) и Ф.М.Достоевского в "Записной тетради" 1872-1875 гг.: "Кто слишком любит человечество вообще, тот, большею частью, мало способен любить человека в частности" (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1980.

Т.21. С.264).

...в истинной философии, не в той, которую Шопенгауэр называл профессорской философией... - А.Шопенгауэр (1788-1860) - немецкий философ-идеалист. Имеется в виду его суждение в предисловии ко второму изданию книги "Мир как воля и представление" (1844) (см.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Пер. А.А.Фета. СПб., [Б. д.] Изд. 4-е.

С.ХХV-ХХVIII). Касаясь сходных проблем в письме к Н.Н.Страхову 30 ноября 1875 г., Толстой подчёркивал: "Самые предметы, которыми занимается философия, - жизнь, душа, воля, разум, не подлежат рассечению, устранению известных сторон <...> При философском изложении

невозможно переопределять тех понятий, из которых слагается философское знание, невозможно урезывать эти понятия, а нужно оставлять их во всей их цельности, так как это понятия, приобретаемые непосредственно, и потому невозможно из этих понятий строить цепь какой бы то ни было необходимости. Все эти понятия не подчиняются ни одному из выставленных Шопенгауэром положений о достаточном основании. Все эти понятия не подлежат логическим выводам, все они равны между собой и не имеют логической связи; и вследствие того убедительность философского учения никогда не достигается логическими выводами, а достигается только гармоничностью соединения в одно целое всех этих нелогических понятий, то есть достигается мгновенно, без выводов и доказательств <...> В подтверждение этого положения я прошу вас вспомнить недействительность философских научных теорий и действительность и силу религий не на одни грубые и невежественные умы, как вы сами знаете <...> Философия, в личном смысле, есть знание, дающее наилучшие возможные ответы на вопросы о значении человеческой жизни и смерти" (ПСС. Т.62. С.223-225).

...ответ, данный Сократом... - (ок. 470 - 399 до н.э.) - древнегреческий философ. Приводимые ниже его суждения - свободный и сокращённый перевод двух выдержек из глав XI и XII диалога Платона "Федон". Выдержки из диалога Платона "Федон" о Сократе были включены Толстым в "Круг чтения" (1904-1908).

Подробнее об отношении Толстого к Сократу см.: Галаган Г.Я. Л.Н.Толстой: Художественно-этические искания. Л., 1981. С.32-34.

...ответ, данный... Шопенгауэром... - Приводимая ниже выдержка - толстовский перевод части заключительного, 71-го параграфа книги Шопенгауэра "Die Welt als Wille und Vorstellung" ("Мир как воля и представление"), прочтённой писателем в оригинале.

...ответ, данный... Соломоном... - Соломон (евр. - мирный, благодатный) - третий царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965 - 928 до н.э.), изображённый в ветхозаветных книгах величайшим мудрецом всех времён. Ему приписывается авторство книг Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней.

Ниже приведены выдержки из "Книги Екклесиаста, или Проповедника".

Сакиа-Муни... уничтожить жизнь совсем, в корне. - Шакьямуни, индийский принц Сиддхарта Гаутама (сер. 1-го тыс. до н.э.), получивший впоследствии имя Будды, то есть пробуждённого, просветлённого, основатель буддизма, одной из трёх мировых религий наряду с христианством и исламом. Характерной особенностью буддизма является его этико-практическая направленность; в качестве центральной проблемы буддизм выдвигает проблему бытия личности; стержнем содержания буддизма является проповедь Будды о "четырёх благородных истинах": страдание как факт, причина страдания, освобождение от страданий, путь, ведущий к освобождению от страданий. Личность Будды интересовала Толстого до конца жизни. Так, в частности, к концу 1885-1886 гг. относится его незавершённый замысел "Сиддарта, прозванный Буддой, то есть святым.

Жизнь и учение его"; позднее - для "Круга чтения" (1904-1908) им пишется статья "Будда". Издательство "Посредник" выпускает в 1911 г. книгу П.А.Буланже "Жизнь и учение Сиддарты Готамы, прозванного Буддой". См. также: Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М., 1971. С.113-225.

"И похвалил я веселье... ни знания, ни мудрости". - Приведена выдержка из ветхозаветной "Книги Екклесиаста, или Проповедника".

...философия, которую они называют позитивной... - Позитивизм (фр.

positivisme, от лат. positivus - положительный), философское направление, основанное на признании подлинным (позитивным) знанием лишь результата отдельных специальных наук и их синтетического объединения. В письме к Н.Н.Страхову от 30 ноября 1875 г. Толстой писал: "...стоит только почитать все те книги, на обёртках которых написано "философия", для того чтобы найти во всех этих книгах именно то свойство, которое, по моим словам, чуждо философии. Это происходит, во-первых, оттого, что многие из этих книг вовсе не философия, как все

позитивистические сочинения такого рода <...>, которые, ставя низко и потому неверно цель философии, с полной строгостью применяют к философии общий научный метод и вполне достигают своей цели; но по существу своей цели остаются вне философии" (ПСС. Т.62. С.221-222).

Это Бог 1 и 3... - Толстой имеет в виду троичность Божества.

...то знание, которое, как это сделал Декарт... во всём... - Декарт Ренё (1596-1650) - французский философ и математик, представитель классического рационализма. Речь идёт о его труде "Начала философии" (1644). С этим трудом Толстой знакомится по статье Н.Н.Страхова "Об основных понятиях психологии»

(Журнал министерства народного просвещения. 1878. № 5. С.31-35). В письме Н.Н.Страхову от 30 ноября 1875 г. Толстой писал: "...Сознание того, что моя жизнь не может быть шутка, то сознание, из которого Декарт пришёл к доказательству существования Бога, выразил убеждение в том, что не мог Бог подшутить над нами, это сознание воспротивилось во мне, как оно воспротивится и во всяком человеке в признании бессмысленности жизни разумного существа. Сознание это заставило меня усумниться в том, что я разумно понимал смысл жизни" (ПСС. Т.62. С.227).

Брамины - жреческая и с древних пор первенствующая каста в Индии.

Ортодоксальное учение браминов ставит целью достижение конечной свободы и блаженства в зависимость от полного познания природы Божества, приобретаемого путём полного отвлечения ума от всего земного и сосредоточения его на размышлении о Божестве, что, в свою очередь, предполагает полное подавление всех чувственных стремлений путём умерщвления плоти.

..."обличение вещей невидимых"... - См.: Послание апостола Павла к евреям (11:1).

Магометанство - Магомет - устаревшая транскрипция имени Мухаммеда (570? - 632), основателя ислама (араб., букв. - покорность, предание себя воле (Бога)), одной из наиболее распространённых религий мира, почти не знающей стремления преодолеть или преобразить человеческую природу, направленной на упорядочение и освещение житейских данностей.

...к православным богословам нового оттенка... - Имеются в виду труды славянофилов А.С.Хомякова и Ю.Ф.Самарина. После знакомства с работой Ю.Ф.Самарина "Два письма об основных истинах религии. По поводу сочинений Макса Мюллера: "Введение в сравнительно изучение религий" и "Опыты по истории религий"" Толстой писал Н.Н.Страхову 17-18 мая 1876 г.: "В ней хорошо доказательство, основанное на воздействии Бога на человека (хотя гегелианское) и на важности, которую человек приписывает своей личности»

(ПСС. Т.62. С.276). О впечатлении, произведённом на него богословскими трудами А.С.Хомякова и Ю.Ф.Самарина, см. в трактатах "Исследование догматического богословия" (гл. XIII) и "Царство Божие внутри вас" (гл.

III).

...к так называемым новым христианам, исповедующим спасение верою в искупление - В 1874 г. в Петербурге неоднократно выступал с проповедями английский проповедник оправдания верой Гренвил Редсток. Отрицая значимость добрых дел для прощения грехов, он развивал идею о том, что грехи могут быть смыты лишь святою кровью, уже пролитой и очищающей всякого, кто принимает Христа как единого Спасителя и ходатая между Богом и человечеством. Толстой был знаком и состоял в 1876 г. в переписке с одним из последователей Редстока - гр. А.П.Бобринским, в 1871-1874 гг. - министром путей сообщения.

Сведения о лорде Редстоке сообщила Толстому и А.А.Толстая, фрейлина двора, в письме от 28 марта 1876 г., где отмечала, что проповедник "природу человеческую вовсе не знает и даже не обращает на неё внимания" (Переписка Л.Н.Толстого с гр. А.А.Толстой. СПб., 1911. С.267). В седьмой части "Анны Карениной" (гл. XXI-XXII) исповедующие спасение верою изображаются в комическом виде.

...люди более возлюбили тьму... не обличились дела его. - См. Евангелие от Иоанна (3: 19-20).

...вытекало не из моего хода мыслей... но оно вытекало из сердца. - Первые сомнения Толстого в "пути мысли" относятся ещё к середине 1850-х гг. В марте 1856 г. он записывает в дневнике: "Главная моя ошибка в жизни состояла в том, что я позволял уму становиться на место чувства, и то, что совесть называла дурным, гибким умом, переводить на то, что совесть называла хорошим" (ПСС. Т.47. С.68). В незавершённом философском наброске начала 1860-х гг. "О характере мышления в молодости и в старости" Толстой говорит о неизбежности встречи на "пути мысли" с "непонятым, неразрешимым, необъятным" (Там же. Т.7. С.12). А в наброске "О религии" (1865) всё это "неразрешимое" и "непонятное" (Там же. Т.17. С.374, 376, 379) ставит в прямую связь с главным вопросом человечества: "Что я? Зачем я живу? Что будет после смерти?" (Там же. Т.7. С.124). "Путь мысли", "ход мысли" находит эстетическое осмысление в "Воине и мире" (Безухов, Болконский), в "Анне Карениной" (Левин). Чувство, "вытекающее" из сердца, Толстой называет в середине 1870-х гг. "знанием сердечным", а десятилетием позднее главным началом постижения высшей формы нравственного называет "разумение" или "разумное сознание", которое мыслится им как синтез знаний "сердечного" и "разумного" (Там же. Т.26. С.367; Т.27. С.535).

...я вполне был убеждён... (Кант доказал мне... что доказать этого нельзя)... - И.Кант (1724-1804) - немецкий философ и учёный, родоначальник немецкой классической философии. В его труде "Критика чистого разума" (1.

Трансцендентальное учение об элементах. Гл. III. Секции 4-6) говорится о невозможности онтологического, космологического и физико-биологического доказательства существования Бога.

...доводы... Шопенгауэра... - Доказательство бытия Божия рассматривается А.Шопенгауэром в работе "О четвёртом корне закона достаточного основания» (гл.2 7,8; гл.4 20).

...нужно жить по-Божьи... трудиться, смиряться, терпеть и быть милостивым.

- Ориентацией на самосозидающие ценности народного сознания ознаменован весь творческий путь Толстого, начиная с повести "Детство" (1852), где, выявляя источник духовного самотворчества личности, писатель утверждает в высоком нравственном содержании людей труда (бескорыстная любовь, терпение, отсутствие страха смерти). Слова "жизнь для души, по правде, по-Божьи»

мужика Фёдора раскрывают Левину ("Анна Каренина", 1873-1877) главную особенность народного сознания: отсутствие расхождений между идеалом нравственности и практической этикой.

Смысл этот народ черпает... в легендах, пословицах, рассказах. - Факт зависимости нравственных воззрений народа от хранимого и чтимого им "предания" подчёркивается в черновиках "Исповеди": "Я понял, что верования народа питались и питаются двумя источниками: одним - чисто христианским, выраженным в излюбленных народом местах из Евангелия, переходящих из уст в уста иногда в внешне искажённом виде, в житиях подвижников и мучеников, в легендах, пословицах, рассказах и, главное, в самом предании жизни, примером подвигов жизни людей народа" (ПСС. Т.23. С.508).

...наши русские богословские сочинения... софизма, находящегося в этом рассуждении. - В трактате "Царство Божие внутри вас" (1893) Толстой писал: "Хомяков утверждает, что церковь есть собрание людей (всех без различия - клира и паствы), соединённых любовью, что только людям, соединённым любовью, открывается истина (Возлюбим друг друга да единомыслием и т.д.) и что таковая церковь есть церковь, во-первых, признающая Никейский символ, а во-вторых, та, которая после разделения церквей не признаёт папы и новых догматов. Но при таком определении церкви является ещё большее затруднение приравнять, как того хочет Хомяков, церковь, соединённую любовью, с церковью, признающей Никейский символ и правоту Фотия. Так что утверждение Хомякова о том, что эта соединённая любовью и, следовательно, святая церковь и есть самая,

исповедуемая греческой иерархией церковь, ещё более произвольно, чем утверждение католиков и старых православных. Если допустить понятие церкви в том значении, которое даёт ему Хомяков, то есть как собрание людей, соединённых любовью и истиной, то всё, что может сказать всякий человек по отношению этого собрания, - это то, что весьма желательно быть членом такого собрания, если таковое существует, то есть быть в любви и истине; но нет никаких внешних признаков, по которым можно бы было себя или другого причислить к этому святому собранию или отвергнуть от него, так как никакое внешнее утверждение не может отвечать этому понятию" (ПСС. Т.28.

С.46-47). См. также следующее примеч.

...в Никейском символе... выражение истины обязательным для единения. - Никейский (правильнее - Никео-Цареградский) Символ веры - сконцентрированное изложение христианского вероучения, принятое церковью на двух Вселенских соборах: первом - в Никее в 325 г. и втором - в Константинополе в 381 г.

Символ веры был включён Толстым в третью часть "Азбуки" (1872).

Комментируемый текст сопровождался в первой публикации "Исповеди" следующим редакционным примечанием: "Совершенно основательно, что "любовь никак не может сделать известное выражение истины обязательным для единения". Любовь именно и исключает обязательность; известное выражение истины принимается верою, по любви, следовательно в том и другом случае свободно и в этом смысле не обязательно. Символ веры никому себя не навязывает, а если принимается, то свободно: если же не свободно, то это уже не вера, и вместе не любовь. Кто отвергает Символ, тот добровольно исключает себя из союза и общения любви христианской" (РМ. 1882. No 5. С.323).

..."Возлюбим друг друга да единомыслием"... "...и весь живот наш Христу-Богу предадим"... - Толстой цитирует текст ектеньи, молитвенного прошения, возглашаемого священником или дьяконом во время богослужения.

Дальнейшие слова... не мог понять их. - Этот текст в первой публикации "Исповеди" сопровождается следующим редакционным примечанием: "Автор крайне заблуждается, если в выражении догмата троичности видит выражение математическое. Не только сущность и образ бытия абсолютного и бесконечного невыразимы вполне на языке человеческом; но даже эмпирическая наука, имеющая дело с чувственными, конечными телами и явлениями, утверждая по необходимости существование атомов, вынуждена сообщить им такое определение, которое для рассудка и на языке математическом есть нелепость. И, несмотря на это, существование атомов принимается и не может не приниматься; ибо иначе нельзя объяснить ни физических, ни химических явлений" (РМ. 1882. No 5. С.324).

...молитвы о покорении под ножи врага и супостата... - Речь идёт об ещё одном отрывке из ектеньи.

...Херувимская... - название одного из церковных песнопений, исполняемого во время литургии.

...таинство проскомидии... - Проскомидия - священнодействие, совершаемое во время первой части литургии, когда приготавливаются святые дары - хлеб и вино для Евхаристии (см. ниже).

..."избранный воеводе"... - первые слова кондака из акафиста Богородице.

...таинство Евхаристии... - Евхаристия, или причащение - название одного из церковных таинств, признаваемого всеми христианскими вероисповеданиями.

Оно совершается во время христианского богослужения - литургии. По учению церкви в Евхаристии святые дары - хлеб и вино - пресуществляются в тело и кровь Христа.

Остальные все двенадцать праздников... Покров и т.д. - Имеются в виду двенадцатые праздники, среди которых русская православная церковь числит следующие: Рождество Богородицы - 8 (21) сент., Воздвижение Честного и Животворящего Креста - 14 (27) сент., Введение во храм Богородицы - 21 нояб.

(4 дек.), Рождество Христово - 25 дек. (7 янв.), Крещение (Богоявление) - 6 (19) янв., Сретение - 2 (15) февр., Благовещение - 25 марта (7 апр.), Преображение - 19 (26) авг., Успение Богородицы - 15 (28) авг., Вход Господень в Иерусалим или Вербное Воскресенье, Вознесение; Праздник Святой Троицы (Пятидесятница). День Покрова празднуется 1 (14) окт.

...я причащался в первый раз после многих лет. - Это было в апреле 1878 г.

(см. письмо Толстого к Н.Н.Страхову от 17 апр. 1878 г. - ПСС. Т.62. С.413).

Но когда я подошёл... было невыразимо больно. - Этот текст сопровождается в первой публикации "Исповеди" следующим редакционным примечанием: "Отрешившись от рационалистических и материалистических принципов, автор становится в противоречие с собою, когда в искании примирения с верою применяет к её истинам те же рационалистические и материалистические основания. Ни догмат крещения, ни догмат воскресения, ни догмат Евхаристии не изъявляют притязаний на материалистическое основание. Автор, читавший Хомякова, может припомнить переданный последним отзыв сельского священника относительно католических объяснений Евхаристии: "И жаль, что они воображают, что принимают мясо Христово, а не тело Христово!" Автор заблуждается, если полагает, что Евхаристия предполагает материальное тело Христово" (РМ. 1882. No 5. С.326).

...при чтении Четьи-Минеи... - Четьи-Минеи - сборник житий святых православной церкви; жития и поучения на весь год расположены в них по дням каждого месяца. Четьи-Минеи складывались постепенно и неоднократно перерабатывались; в них включались сюжеты из "Прологов" (см. ниже). Толстой читал жития святых в 12-томном издании 1864 г. (это издание, с многочисленными пометами Толстого, хранится в яснополянской библиотеке).

Хорошо известны Толстому были издание "Великие Четьи-Минеи, собранные всероссийским митрополитом Макарием" и труд В.Ключевского "Древнерусские жития святых как исторический источник" (М., 1871). Эта последняя книга, испещрённая многочисленными пометами Толстого, сохранилась в яснополянской библиотеке. В третьей части "Азбуки" (1872) помещены два сюжета из Макарьевских Четьих-Миней ("О Филагрии монахе" и "О дровосеке Мурина") и один - из Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского ("Житие преподобного Давида").

...Прологов... - "Прологом" в древней Руси называлась книга, содержащая краткие жития святых и поучения. Первое печатное издание относится к 1642- 1644 г., позднее - многократно перепечатывалось. Упомянутое Толстым житие Макария Великого помещено в "Прологе" под 19 янв.; житие Иосафа-царевича (христианский пересказ легенды о Будде) - по 18 нояб.; "Слова Иоанна Златоуста" рассеяны по всей книге; "Слово о путнике и колодце" ("Притча святого Варлаама о временном сем веце") - под 19 нояб.; "Слово о монахе, нашедшем золото" ("О Филагрии мнисе, иже найде тысящу златник и возврати погубившему") - под 13 сент.; "Слово о Петре Мытаре" (Иоанна Милостивого) - под 22 сент. В яснополянской библиотеке хранится экземпляр "Пролога" в издании 1875-1876 гг. с многочисленными пометами Толстого. Проложный сюжет положен писателем в основу рассказа "Два брата и золото". Подробнее об использовании Толстым житийных сюжетов см.: Купреянова Е.Н. Эстетика Л.Толстого. С.272-289.

Исключая чудеса, смотря на них как на фабулу... - Этот текст сопровождается в первой публикации "Исповеди" следующим редакционным примечанием: "Здесь также попытка мирить веру с рационалистическим и опытным знанием" (РМ. 1882. No 5. С.326).

...отношение церкви православной... к католицизму... - Начало разделения церквей на православную и католическую было положено разрывом около 867 г.

между папой Николаем I и константинопольским патриархом Фотием (главным образом из-за претензий обоих на главенство над церковью в Болгарии, а в области догматики - из-за добавления к Символу веры слов "filioque").

Созрело разделение православной и католической церквей к 1054 г. (конфликт византийской теологии священной державы и латинской теологии универсального папства). Попытки воссоединения православной и католической церкви, предпринимавшиеся в XIII-XV вв., оказались безуспешными. Основу вероучения православия, сформулированного в Символе веры, составляют

Святое писание (Библия) и святое предание (традиция). Оно исходит из признания Троидного Бога, творца и управителя Вселенной, загробного мира, посмертного воздаяния, искупительной миссии Христа, открывшего возможность для спасения человечества, на котором лежит печать первородного греха. Церкви отводится роль посредника между Богом и людьми. Молокане.... - Русская рационалистическая секта, образовавшаяся из секты духоборцев. Название дано ей в 1765 г. на том основании, что сектанты в пост пьют молоко. Молокане совершенно отрицали православную церковь, её таинства и обряды, почитание святых, мощей и икон. Единственным источником вероучения признают Священное писание Ветхого и Нового Завета.

...отношение... пашковца... - Пашковцы - последователи религиозных воззрений В.А.Пашкова, разделявшего учение лорда Редстока.

...отношение... шекера... - Шекеры - религиозная секта в Северной Америке.

Шекеры выделились из квакеров в Манчестере, объединились и, переселившись в Северную Америку, обрели многих приверженцев. Основные правила их жизни - безбрачие, общее имущество и постоянный труд.

Я ездил к... схимникам... - Схимник - монах, принявший схиму, высшую монашескую степень в православной церкви, требующую от посвящённого в неё выполнения суровых аскетических правил.

Мы соединились с ними тем, что поставили существенное в вере выше несущественного. - Имеется в виду так называемое "единоверие", то есть соединение старообрядцев с господствующей церковью при условии подчинения их православному духовенству и принятия церковнослужителей от православных архиереев. Богослужение же и таинства единоверцы совершают по старопечатным книгам и по старым обрядам. Единоверие возникло в конце XVIII в. по инициативе старообрядцев.

...filioque... (лат., буквально - "и сына", прибавление к восьмому члену Символа веры) - догматическое расхождение католической церкви с православной (См.: Православный катехизис. Гл. "О восьмом члене". Православный церковный календарь. М., 1991. С.91-92).

Собеседник мой... веру, переданную ей от предков. - Этот текст в первой публикации "Исповеди" сопровождался редакционным примечанием: "И совершенно справедлив ответ высокопоставленного духовного лица. Духовная власть не имеет права идти на уступки в исповедании. Такие уступки вызовут справедливые нарекания на представителей этой власти; ибо не в последних церковь, а во всех верующих..." (РМ. 1882. № 5. С.329).

При Алексее Михайловиче сжигали на костре... - Алексей Михайлович (1629-1676) - второй царь из дома Романовых. Имеются в виду смертные казни (сожжение на костре) старообрядцев за религиозные убеждения. Именно так был казнён великий писатель протопоп Аввакум.

...война в России. - Имеется в виду русско-турецкая война 1877-1878 гг.

...убийство... юношей. - Речь идёт о казнях революционеров-террористов, членов партии "Народная воля", особенно участвовавших с 1879 г.

...я на днях увидел сон. - По свидетельству самого Толстого, этот сон он действительно видел (см.: Гусев Н.Н. Два года с Л.Н.Толстым. М., 1973. С.102).

Г.Галаган

Обращений с начала месяца: 30, Last-modified: Sun, 31 Mar 2002 18:14:37 GMT Оцените этот текст: Не читал 10987654321 Прогноз